
V 114/207

ПОѢЗДКА НА ВАЛААМЪ.

(Впечатлѣнія и воспоминанія о Коневской и Валаамской обителяхъ).

НОВГОРОДЪ
Губернская Типографія.
1909.

2007097888

Поѣздка на Валаамъ.

(Впечатлѣнія и воспоминанія о Коневской и Валаамской обителяхъ).

—+—

Не знаю, какъ воспѣть сумѣю
Твои долины и поля,
Твои лѣса, твои заливы,
Твои священныя мѣста!

(Изъ стихотворенія посвященнаго Валаамской обители).

Давно ужъ я собирался посѣтить Валаамскую обитель, давно туда направлялись мои мечты, но осуществить ихъ удалось мнѣ только въ настоящемъ году. Богъ помогъ мнѣ благополучно съѣздить туда вмѣстѣ съ дѣтьми. И вернувшись, я не могу еще отрѣшиться отъ тѣхъ чудныхъ впечатлѣній, которыя произвело на меня это путешествіе, эта дивная Валаамская обитель; и я беру на себя смѣлость подѣлиться и съ другими этими впечатлѣніями и воспоминаніями, которыя я вынесъ оттуда. Конечно, мое описаніе будетъ блѣднымъ и жалкимъ, такъ какъ нужно владѣть перомъ поэта и первокласснаго писателя и кистью художника, чтобъ нарисоватъ хоть приблизительную картину чудной природы Валаамскихъ острововъ, величественной Валаамской обители, съ ея безчисленными скитами, и внутренней жизнью иноковъ, полной лишеній и духовныхъ подвиговъ.

Отправившись изъ Новгорода 25 іюня съ вечернимъ пароходомъ, я 26 въ $7^1/_2$ час. утра былъ уже на Калашниковской пристани въ Петербургѣ, возлѣ которой уже стоялъ въ ожиданіи пассажировъ, Валаамскій монастырскій пароходъ „Валаамъ“.

Пассажировъ еще было немного, но не прошло и получаса, какъ пристань была полна богомольцами. Взявъ билетъ 2-го класса, я занялъ мѣсто въ каютѣ и вышелъ на палубу, на которой начался напутственный молебенъ для богомольцевъ, отслуженный братіей Валаамскаго монастыря, живущей на подворьѣ возлѣ самой пристани. Ровно въ 10 час. отошолъ пароходъ, напутствуемый благожеланіями провожающей публики. Дулъ довольно свѣжій вѣтерокъ, и я очень боялся за себя и за дѣтей, какъ бы не было на Ладожскомъ озерѣ качки; но мои опасенія оказались напрасными. Проѣхавъ Неву и оставивъ въ сторонѣ Шлиссельбургъ, съ его опустѣлою въ настоящее время крѣпостью, нашъ пароходъ выѣхалъ въ совершенно спокойное озеро. Много финскихъ судовъ виднѣлись вдали. Какую величественную картину представляло въ это время озеро!

Вдали открывался необъятный водный просторъ, а слѣва берегъ, окаймленный зеленой опушкой лѣса. Незамѣтно пролетѣло время до Коневскаго острова.

На Коневцѣ на пристани насъ радушно встрѣтилъ казначей Коневецкаго монастыря, о. Тихонъ. Сытыя монастырскія лошади насъ въ одну минуту лихо подкатили къ красивому зданію гостиницы. Около гостиницы масса зелени и цвѣтовъ. Цѣлыя пирамиды изъ правильно сложенныхъ каменьевъ. Болѣе оригинальные и причудливые камни уложены по краямъ дороги. Намъ отвели въ гостиницѣ чистый номеръ на четверыхъ. Съ нами еще помѣстился свящ. о. Павелъ Д. изъ Вильны, законоучитель женскаго духовнаго училища,—человѣкъ свѣтскаго происхожденія и образованія (онъ съ 3 курса технол. инст. поступилъ въ Петерб. дух. акад.). Онъ поразилъ меня своей горячей вѣрой и своей религіозностью. Я впервые вижу человѣка, такъ искренно, такъ горячо вѣрующаго. Онъ со мной пробылъ на Валаамѣ 6 дней и не пропустилъ ни одной—длинной монастырской службы, являясь всегда къ самому началу, и не надѣвалъ даже шляпы на улицѣ, изъ благоговѣнія къ святости мѣста, такъ что его тамъ такъ и звали: „батюшка безъ шляпы“. Вмѣстѣ съ нами все время былъ еще другой батюшка изъ Семипалатинска. На видъ очень ужъ простой, какъ будто деревенскій, а оказалось, что онъ протоіерей и академикъ о. А. С.

Первымъ дѣломъ по пріѣздѣ на Коневецъ—это было сходить въ храмъ и поклониться святынямъ: ракѣ преподобнаго Арсенія Коневецкаго, почивающаго подъ спудомъ и Коневской иконѣ Божіей Матери. Нашимъ проводникомъ по обозрѣнію Коневской обители и достопримѣчательностей острова предложилъ быть одинъ очень любезный молодой человѣкъ—чиновникъ, служащій у СПБ. градоначальника, третій разъ ѣхавшій на Валаамъ. Съ нами еще все время находился, и въ Коневцѣ, и на Валаамѣ, одинъ студентъ Горнаго института А. А. М., представляющій счастливое исключеніе среди нашей учащейся молодежи.

Когда я стоялъ у гробницы пр. Арсенія, невольно въ моей душѣ проносились тѣ историческія воспоминанія, которыя мнѣ удалось почерпнуть предъ отъѣздомъ и во время самого путешествія изъ разныхъ (путешествій) сочиненій и жизнеописаній, бывшихъ у меня подъ рукою. Особенно пріятно и радостно было чувствовать, что пр. Арсеній—нашъ Новгородецъ. У насъ въ Новгородѣ жили его родители, здѣсь онъ научился искусству ковать мѣдные сосуды и здѣсь положилъ начало своимъ иноческимъ подвигамъ въ обители, на такъ называемой „Лисьей Горѣ“ находившейся въ близи Новгорода. Отсюда онъ ушелъ на Аѳонъ, гдѣ пробылъ три года и опять вернулся въ Россію. Игуменъ при прощаніи благословилъ его иконою Пресвятой Богородицы, получившей потомъ названіе „Коневской“. Въ 1393 г. при св. Архіепископѣ Іоаннѣ съ драгоцѣнною Аѳонской святыней преп. Арсеній прибылъ въ Новгородъ. Въ скоромъ времени изъ Новгорода преп. Арсеній направился по р. Волхову въ Ладожское озеро. Сильная буря, застигшая преп. въ озерѣ, принесла его судно къ Коневскому острову. Въ этой бурѣ преп. Арсеній увидѣлъ высшее указаніе на то, что по волѣ Божіей онъ долженъ поселиться на этомъ островѣ и здѣсь воздвигнуть обитель. Около года онъ прожилъ совершенно одинъ въ маленькой деревянной кельѣ, а затѣмъ одинъ за другимъ стали приходить къ нему ученики; и скоро пустынный и дикій островъ, служившій для прибрежныхъ язычниковъ—кореловъ мѣстомъ поклоненія и приношенія жертвъ, населился подвижниками; такъ и возникла Коневская обитель съ храмомъ во имя Рождества Пр. Богородицы. Я старался мысленно охватить многовѣковую жизнь Коневской обители

и представить, что она вынесла, какихъ, какихъ невзгодъ не испытала она на протяженіи своей пятисотлѣтней исторіи. То она совсѣмъ какъ бы замирала, а затѣмъ снова возставала изъ развалинъ.

Напримѣръ въ 1610 г., когда корельская земля была Россіею уступлена Шведамъ, Коневскіе иноки, вслѣдствіе притѣсненія отъ Шведовъ, всѣ переселились въ Деревяницкій Новгородскій монастырь. Туда перенесли они и чудотворную Коневскую икону Божіей Матери; а нетлѣнныя мощи препод. Арсенія, бывшія на вскрытіи, опущены были въ глубокую могилу на запустѣломъ Коневскомъ островѣ, какъ бы въ залогъ для будущаго возрожденія обители. И болѣе столѣтія продолжалось печальное запустѣніе острова; даже заросло густымъ лѣсомъ самое мѣсто гдѣ находилась обитель. Церковь же была разграблена и разрушена шведами, а кирпичъ перевезенъ въ Кексгольмъ на постройку крѣпости, существующей и понынѣ. Лишь съ возвращеніемъ Кореліи императоромъ Петромъ I въ 1718 году, иноки изъ Деревяницкаго монастыря получили возможность возвратиться въ Коневецъ и возстановить разрушенную обитель. Послѣ 189 лѣтъ пребыванія въ Деревяницкомъ монастырѣ возвращена была въ Коневецъ и чудотворная Коневская икона Божіей Матери. Въ настоящее время она помѣщается въ томъ же нижнемъ храмѣ, гдѣ покоятся подъ спудомъ и мощи преподобнаго Арсенія. Она находится въ прекрасномъ золоченомъ кіотѣ. Икона эта двойная: съ лицевой стороны изображеніе Божіей Матери съ Предвѣчнымъ младенцемъ, держащимъ въ лѣвой рукѣ двухъ птенцовъ голубиныхъ[1]), а съ обратной—нерукотворенный образъ Христа Спасителя. Икону Божіей Матери покрываетъ богатая риза, украшенная драгоцѣнными камнями, равно и на нерукотворенномъ образѣ Спасителя также прекрасная золоченная риза. Къ вѣнцу Спасителя привѣшенъ золотой складень съ частью ризы Господней. На пьедесталѣ кіота помѣщены слѣдующія святыни: восьмиконечный крестъ съ мощами преп. Арсенія о. игумена Іоанна, серебряный ковчегъ съ частью святой ризы Богоматери

[1]) Два птенца голубиныхъ означаютъ, что Предвѣчный младенецъ Іисусъ Христосъ есть первенецъ отъ Дѣвы Маріи, и что будучи Самъ творецъ закона, онъ исполнилъ законъ о первенцахъ и объ очищеніи Пресвятой Дѣвы, Матери Своей. (Лук. 2, 22, 23, 24).

и деревянный ковшъ, оправленный въ серебро, бывшій въ употребленіи у Преп. Арсенія. Помолившись передъ иконою Царицы Небесной, мы направились осматривать другія достопримѣчательности и святыни Коневскаго острова; прежде всего—въ скитъ „Всѣхъ святыхъ", а затѣмъ въ скитъ „Казанской Божіей Матери", По пути видѣли 500 лѣтъ сосну, заходили на святой колодезь: Дорога все время шла среди высокаго сосноваго лѣса. Переходя отъ одного скита къ другому, мы дѣлились впечатлѣніями и историческими свѣдѣніями. Насъ особенно интересовалъ „Конь—камень". Было уже около 10 ч. вечера. Въ лѣсу наступилъ таинственный полумракъ. Въ особенности этотъ камень занималъ спутника нашего—студента горнаго института, какъ спеціалиста; и когда къ нему подошли, то онъ со всѣхъ сторонъ сталъ осматривать его, чтобы найти хотя маленькое сходство съ конскою головою. Кажется, ему удалось уловить нѣкоторыя сходныя черты: отверстія, похожія на глаза, ротъ и т. п. Конь—камень изъ сѣраго Сердобольскаго гранита съ скварцевыми жилами и довольно глубокими трещинами, изъ которыхъ поднимается зеленая растительность. Длина его 13 арш., толщина 9 и вышина 6 арш. Геологи говорятъ, что этотъ великанъ занесенъ сюда плавучими льдинами съ Финскихъ береговъ. На верхушкѣ его стоитъ крошечная деревянная часовенька, куда ведетъ деревянная же лѣстница. Когда я былъ здѣсь, моя мысль невольно уносилась въ далекое прошлое, когда еще тьма язычества царила въ Корельской странѣ, и этотъ камень былъ предметомъ особеннаго почитанія язычниковъ, ежегодно приносившихъ въ жертву ему одного коня, чтобы духи охраняли ихъ скотъ, привозимый на этотъ островъ на лѣто для прокормленія. Дѣйствительно, трудно найти другое мѣсто, болѣе подходящее для языческаго жертвоприношенія. Такъ величественна, такъ грозно-страшна самая обстановка, что она невольно наводила ужасъ на дѣтскую душу корела—язычника. Тутъ же отъ нашихъ спутниковъ пришлось мнѣ услышать и другое преданіе объ этомъ камнѣ, а именно: когда препод. Арсеній поселился на этомъ островѣ, то изъ этого камня онъ изгналъ злыхъ духовъ, которые, въ видѣ черныхъ вороновъ, полетѣли съ острова на противоположный берегъ и спустились въ такъ называемой Сортонъ—Laксѣ, или по русски „Чертовой—Лахтѣ. Да, все

это преданія старины глубокой, надъ которыми современный интелигентъ лишь только усмѣхнется. Но сколько въ этихъ преданіяхъ скрывается искренней вѣры, сколько поэзіи. Отнимите все это, и останется обыкновенный камень, какихъ въ Финляндіи цѣлыя горы.... Долго мы любовались этой чудной, словно фантастической картиной, среди которой возвышается „Конь—камень“. Было уже около 11 час., когда вернувшись въ гостиницу и принялись за чаепитіе. Нѣкоторые изъ нашихъ спутниковъ не могли утерпѣть, чтобы не выйти изъ гостиницы и еще не полюбоваться величественными видами, открывающимися съ острова, и подышать чистымъ, полнымъ благоуханія цвѣтовъ, воздухомъ. Въ 5 час. утра колокольчикъ гостинника разбудилъ насъ къ ранней литургіи. Богомольцевъ въ храмѣ было довольно много. На нашемъ пароходѣ пріѣхало болѣе 250 чел., да многіе изъ пріѣхавшихъ раньше оставались на Коневцѣ. Послѣ обѣдни былъ отслуженъ молебенъ Пр. Богородицѣ и пр. Арсенію. Служилъ „соборнѣ“ казначей мон. о. Тихонъ. Я впервые слышалъ такое чудное чтеніе молитвъ и евангелія, какое привелось мнѣ слышать здѣсь на Коневцѣ изъ устъ о. Тихона. Невольно душу охватывало умиленіе. Это необыкновенный даръ, и даръ великій, тѣмъ болѣе, что этотъ о. Тихонъ, какъ мнѣ удалось узнать потомъ, изъ простыхъ малообразованныхъ монаховъ Валаамскаго монастыря; и на Валаамѣ былъ хлѣбопекомъ. Потомъ я—и отъ другихъ слышалъ, что и они были прямо поражены, слушая чтеніе отца Тихона. Но старикъ діаконъ, служившій молебенъ произвелъ совсѣмъ обратное впечатлѣніе. Пѣніе на Коневцѣ не важное, далеко уступающее Валаамскому, хотя такое-же столповое. Послѣ ранней обѣдни заразъ-же мы отправились на пароходъ. Опредѣленной платы за ночлегъ въ гостиницѣ и самоваръ нѣтъ, а богомольцы кладутъ каждый свою посильную лепту при отъѣздѣ на блюдо, поставленное въ вестибюлѣ гостиницы предъ иконою пр. Арсенія Коневскаго.

Погода была чудная, хотя довольно прохладная. Тихо и какъ-то величественно было на озерѣ. Не хотѣлось уходить въ каюту. Вскорѣ стали показываться, какъ бы въ туманѣ, очертанія островов Валаамскаго архипелага. Первымъ показался Тихвинскій островъ, а затѣмъ цѣлый рядъ острововъ; скоро сталъ виденъ и самый монастырь съ его высокой ко-

локольней. Всѣ набожно перекрестились. На верхней палубѣ неумолкаемо пѣлъ разныя священныя пѣснопѣнія импровизированный хоръ изъ богомольцевъ. Центромъ этого хора и руководителями были два молодыхъ человѣка, вѣроятно, изъ рабочихъ. Все ближе и ближе подходили мы къ Валааму. Что-то радостное невольно охватывало душу. Вотъ пароходъ уже подошелъ къ цѣлой группѣ острововъ, и нашему взору открылась живописнѣйшая картина: отвѣсныя, высокія скалы, гордо выходящія изъ бездны; холмы, покрытые лѣсомъ, дружелюбно склоняющіеся къ озеру, красивые заливы, огражденные отовсюду гранитными самородными стѣнами, въ которыхъ дремлютъ чистыя, какъ зеркало, воды, даже въ то время, когда на озерѣ свирѣпствуетъ страшная буря. Съ парохода видно, какъ тюлени, поднявъ свою голову кверху изъ воды, спокойно плывутъ по заливу, не боясь, что ихъ подстерегаетъ охотникъ. Мнѣ впервые пришлось видѣть такую чудную по своей красотѣ природу, природу дикую и строгую, и въ то же время такую поэтически-прекрасную. Пароходъ медленно пробирается по извилистымъ проливамъ и входитъ въ монастырскій заливъ, представляющій по своей красотѣ одно изъ самыхъ живописнѣйшихъ мѣстъ на Валаамѣ, и названный такъ потому, что онъ служитъ путемъ изъ озера къ монастырю. Съ правой стороны пролива находится Скитскій островъ, а слѣва—Св. Николая съ красивымъ храмомъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ сооруженнымъ Солодовниковымъ. Пароходъ еще болѣе замедляетъ ходъ, такъ какъ множество мелкихъ островковъ заграждаютъ путь, оставляя лишь тѣсный проходъ между собой и береговыми скалами. Справа на гранитныхъ уступахъ тянется дремучій лѣсъ, а налѣво показывается св. обитель, съ ея храмами и многочисленными монастырскими постройками, раскинувшаяся на высокой горѣ. Прежде всего на самомъ краю скалы виднѣется величественное 3-хъ этажное зданіе водопровода и разныхъ мастерскихъ монастыря, такъ называемый „машинный домъ“. Далѣе въ этой-же обращенной къ проливу сторонѣ по одной линіи находится старое монастырское кладбище, обнесенное каменною стѣною, съ башнями по угламъ. А затѣмъ начинается и самый монастырь, представляющій изъ себя два четыреугольника, изъ которыхъ одинъ помѣщается въ другомъ. Высокая колокольня величественно возвышается

надъ всѣми зданіями, и съ нея несется торжественный радостный звонъ на встрѣчу пароходу. Поровнявшись съ монастыремъ, видишь невыразимо величественную (природу) картину: совершенно отвѣсную скалу, какъ говорятъ въ 16 саж. высоты, а у ея подошвы прекрасный фруктовый садъ. Пароходъ тихо подошолъ къ пристани, и всѣ богомольцы благоговѣйно осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ, радуясь и благодаря Бога, что такъ благополучно достигли желанной цѣли. Съ нашимъ пароходомъ ждали пріѣзда владыкъ изъ Петербурга: члена Государственной Думы—епископа Митрофана и Владимира епископа Кронштадскаго. Но названныхъ Владыкъ не было, но какъ оказалось потомъ, вмѣстѣ съ нами пріѣхалъ преосвященный Тихонъ, епископъ Костромской. Такъ какъ онъ одѣтъ былъ въ обычную сѣрую рясу и такую же шляпу, то всѣ его и принимали за обыкновеннаго священника. Только случайно замѣченная помощникомъ ризничаго на груди его панагія, въ то время, когда онъ прикладывался къ мощамъ, обнаружила его высокій санъ. Онъ хотѣлъ остаться, какъ передавали потомъ, не замѣченнымъ, но это ему не удалось, и пришлось принять участіе въ служеніи съ другими Владыками 28 и 29 іюня. На пристани насъ гостепріимно встрѣтилъ весьма симпатичный о. намѣстникъ и предложилъ коляску доѣхать до гостиницы. Вещи наши монастырскіе служки привезли на особыхъ багажныхъ подводахъ. На пристани было очень много народу, преимущественно кореловъ и православныхъ финновъ, пріѣхавшихъ на своихъ лодкахъ и финскихъ пароходахъ на праздникъ преподобнаго Сергія и Германа Валаамскихъ 28-го іюня. Въ гостиницѣ, которая представляетъ изъ себя громаднѣйшее 3-хъ этажное зданіе, намъ отвели чистый и свѣтлый номеръ съ четырьмя кроватями и чистымъ бѣльемъ. Корридорный послушникъ принесъ самоваръ, и мы напились чаю. Звонокъ приглашалъ желающихъ ѣхать въ скиты: Никольскій и Всѣхъ Святыхъ. Билеты продавались въ самой гостиницѣ. Ѣхать на пароходѣ стоитъ 25 к., а на катерѣ, который тащитъ пароходъ „Николай",—15 к. Прежде чѣмъ ѣхать, мы зашли въ главный храмъ поклониться св. угодникамъ, почивающимъ подъ спудомъ: Преп. Сергію и Герману Валаамскимъ. Чудная серебряная рака и роскошный балдахинъ возвышаются надъ гробницею ихъ. Съ чувствомъ глу-

бокаго благоговѣнія мы помолились здѣсь. Предъ ракою находится Новгородская Знаменская икона Божіей Матери, и предъ ней горитъ множество драгоцѣнныхъ лампадъ. Одна изъ нихъ представляетъ подобіе военнаго кивера темно-сѣраго цвѣта. Приложившись къ ракѣ, мы поспѣшили на пристань, гдѣ уже собрались всѣ желающіе ѣхать въ скиты. Черезъ нѣсколько минутъ нашъ маленькій пароходикъ отвалилъ отъ пристани и быстро направился по заливу, таща за собой двѣ большихъ лодки, наполненныя богомольцами. Никольскій островъ, къ которому мы подъѣхали, невеликъ. На его высокой вершинѣ стоитъ прекрасный небольшой каменный храмъ во имя Святителя Николая. Раньше же здѣсь находилась часовня, въ которой окна были сдѣланы со всѣхъ сторонъ, и она ночью освѣщалась, служа маякомъ для плавающихъ по озеру судовъ. Теперь есть отдѣльный маякъ. Храмъ, въ который мы, сойдя съ парохода, направились, поразилъ меня своею красотою. Онъ представляетъ собою смѣсь византійской архитектуры съ готическою, съ золоченной главой и такими же крестами. Построенъ онъ въ 1853 г. СПБ. купцомъ Солодовниковымъ и стоитъ до 50000 р. Войдя въ храмъ, на лѣвой сторонѣ его въ нишѣ, я увидѣлъ главную святыню этого храма чудотворный образъ Св. Николая, представляющій изъ себя довольно большое, въ аршина 2 вышиною, деревянное рѣзное изображеніе Святителя въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, въ митрѣ съ мечемъ въ правой и церковью въ лѣвой рукахъ[1]), ноги его обуты въ шитыя золотомъ туфли, къ которымъ и прикладываются набожные богомольцы. Существуетъ слѣдующій разсказъ, передающій о чудесномъ вразумленіи одного чухонца, имѣвшаго намѣреніе похитить денежную кружку изъ часовни, въ которой прежде находилось это рѣзное изображеніе Святителя. Въ одну изъ темныхъ осеннихъ ночей сторожъ услышалъ чей-то отчаянный крикъ. Прибѣжавъ къ тому мѣсту, откуда доносился этотъ крикъ, сторожъ замѣтилъ лежащаго безъ чувствъ на землѣ неизвѣстнаго человѣка. Оказалось, что это былъ чухонецъ. Когда послѣдній пришолъ въ себя, то разсказалъ, что у него было на-

---

[2]) Это символически означаетъ ревность Святителя Николая къ церкви Божіей, отъ которой онъ мечемъ слова Божія отсѣкаетъ всѣ вредныя еретическія богохульства. Подобное же изображеніе Св. Николая мы видѣли въ гор. Епифани Тульской губерніи. *Авторъ.*

мѣреніе похитить кружку съ деньгами; но едва онъ прикоснулся къ ней, какъ изъ стѣны вышелъ грозный старецъ съ мечемъ въ рукѣ и удержалъ его руку. Отъ этого онъ лишился чувствъ. Собравшіеяся иноки осмотрѣли часовню; но никого, кромѣ рѣзнаго изображенія Св. Николая, не нашли. По словамъ же виновнаго, явившійся ему старецъ былъ похожъ на изображеніе святителя. И всѣмъ стало ясно, что старецъ, вразумившій святотатца, былъ никто иной, какъ святой Николай Чудотворецъ. Мѣстное населеніе, даже финны-лютеране, глубоко чтутъ этотъ образъ и нерѣдко пріѣзжаютъ къ Валааму на своихъ рыбацкихъ лодкахъ, чтобы поставить свѣчу дивному покровителю на водѣ—святителю Николаю. Выслушавъ молебенъ и приложившись къ иконѣ святителя, мы осматривали храмъ: иконостасъ весьма изящной работы, весь вызолоченъ; иконы отличнаго греческаго письма; особенно цѣнны и прекрасны хорогви золотого фриза. Вообще, храмъ въ высшей степени изящный и производитъ самое отрадное впечатлѣніе. Рядомъ съ храмомъ находится каменный домъ, въ которомъ живетъ скитская братія. Около дома разведенъ фруктовый садъ и огородъ. Затѣмъ мы видѣли на возвышенномъ пригоркѣ большой каменный крестъ. Такіе кресты есть почти на каждомъ островѣ. Рядомъ съ крестомъ находится столѣтняя изогнутая сосна, своимъ видомъ очень похожая на зонтъ. Не понятно, на чемъ только она держится, такъ какъ кругомъ голый камень.

Изъ Никольскаго скита на томъ же пароходѣ мы поѣхали въ слѣдующій скитъ—Большой или „Всѣхъ Святыхъ". Въ этомъ скиту живетъ до 35 чел. братіи, а въ другихъ очень немного: отъ двухъ до 13 чел. Особенность этого скита та, что сюда женщинъ не пускаютъ, кромѣ одного дня въ году—недѣли всѣхъ святыхъ. Скитъ обнесенъ каменною стѣною. Молебенъ для богомольцевъ служили внѣ скита предъ небольшою часовнею, въ которой иконостасъ сдѣланъ изъ Валаамскаго полированнаго гранита. Возлѣ часовни находится могила прозорливаго старца-схимника Антипы. Мы зашли помолиться на его могилу. Намъ хотѣлось побывать въ самомъ скиту и повидать схимниковъ. Храмъ въ скиту двухъэтажный; въ нижнемъ этажѣ находится церковь всѣхъ святыхъ, а въ верхнемъ—во имя всѣхъ небесныхъ силъ безплотныхъ. Здѣсь совершается неусыпное чтеніе псалтири.

Выйдя на дворъ, мы встрѣтили одного схимника и попросили его показать намъ свою келью. Это небольшая комната съ кроватью, столикомъ и множествомъ иконъ въ переднемъ углу. Добродушный старецъ намъ охотно разсказалъ, какое правило (600 поклоновъ) на него наложено, и какъ живется здѣсь инокамъ. Онъ показалъ намъ и свои одежды. Валаамскіе схимники, которыхъ я видѣлъ, отличаются замѣчательной привѣтливостью и, увидя священника непремѣнно спѣшатъ принять отъ него благословеніе. Я невольно смущался, когда престарѣлый изможденный старецъ схимникъ лобызалъ мою грѣшную десницу. Простившись со схимникомъ, мы прошли на могилки пяти скитскихъ подвижниковъ, мирно почивающихъ за алтаремъ храма: Клеопы, Порфирія, Арсенія, Алексѣя и Виталія.

Долго оставаться на этомъ островѣ было нельзя, такъ какъ всѣ спѣшили вернуться въ монастырь къ вечернѣ, которая обычно начинается въ 5 часовъ. Многіе желали исповѣдаться. Только что вошли въ гостиницу, какъ торжественный трезвонъ возвѣстилъ о прибытіи въ монастырь на Валаамскомъ пароходѣ „Сергій" Высокопреосвященнаго Архіепископа Финляндскаго и Выборгскаго Сергія и преосвященнаго Арсенія Епископа Сарапульскаго, викарія Вятской епархіи. Когда я подошелъ къ пристани, то тамъ стояла такая масса народу, что трудно было и пробраться. Разукрашенный флагами пароходикъ „Сергій" подходилъ къ пристани. Владыки сѣли въ поданный экипажъ и, благословляя народъ, отбыли въ „Царскіе покои", такъ называется помѣщеніе, въ которомъ останавливались Высочайшія особы во время посѣщенія Валаама, и находящіеся въ самомъ монастырѣ. Во время вечерни Архіепископъ Сергій стоялъ на настоятельскомъ мѣстѣ. Самъ читалъ акафистъ преподобнымъ Сергію и Герману, Валаамскимъ угодникамъ. Мнѣ онъ очень понравился, какъ служеніемъ, такъ и обращеніемъ. Въ немъ все: лицо, голосъ, такое симпатичное, невольно располагающее къ себѣ. Только около 8 часовъ кончилась вечерня. Заразъ же послѣ вечерни пошли на трапезу.

Въ 9 час. начался звонъ къ праздничной всенощной. Звонъ на Валаамѣ очень красивый. Главный, такъ называемый Андреевскій, колоколъ вѣситъ тысячу пудовъ. Всенощная на-

чалась въ верхнемъ храмѣ, а закончилась въ нижнемъ, гдѣ почиваютъ св. угодники. Не могу безъ восхищенія вспомнить объ этомъ чудномъ верхнемъ Преображенскомъ храмѣ [3]). Храмъ этотъ—краса и гордость Валаамской обители. Онъ сооруженъ исключительно трудами самой братіи. Въ прошломъ году я былъ въ Дивѣевскомъ монастырѣ, и мнѣ очень понравился тамошній храмъ, но Валаамскій мнѣ показался еще лучше, еще красивѣе. Высокій свѣтлый, величественный, содержимый въ замѣчательной чистотѣ, что очень рѣдко наблюдается въ мужскихъ монастыряхъ. Ни на стѣнахъ, ни на колоннахъ нѣтъ мѣстечка, которое не было бы расписано, или не покрыто какимъ нибудь красивымъ орнаментомъ или виньеткой. Всюду видны изящество, вкусъ и полная гармонія красокъ: всѣ краски свѣтлыя, нѣжныя, не бьющія въ глаза. Картины—копіи съ картинъ знаменитыхъ художниковъ—изображаютъ священныя событія изъ жизни Господа Іисуса Христа, Божіей Матери, а также Святителей, Преподобныхъ и ангеловъ. Фонъ золотой, что придаетъ еще болѣе радостный и веселый видъ этому чудному храму.

При видѣ всего этого, я невольно съ изумленіемъ думалъ, сколько тутъ братіей положено самаго кропотливаго, самаго упорнаго труда, сколько надо было имѣть терпѣнія, чтобы вывести такой мелкій узоръ въ поясахъ или рамкахъ священныхъ изображеній. Такъ расписать могли только не наемные художники и живописцы, а иноки, вложившіе въ свой трудъ всю душу свою, весь свой талантъ и руководимые однимъ лишь чувствомъ—любовію къ храму, какъ мѣсту невидимаго присутствія Божія. Какъ я узналъ потомъ, всѣ живописныя и иконописныя работы были произведены подъ руководствомъ двухъ валаамскихъ іеромонаховъ о. Алипія и о. Луки и при постоянномъ наблюденіи игумена о. Гавріила, который тоже былъ художникъ, и его кисти принадлежитъ не мало картинъ какъ въ этомъ храмѣ, такъ и въ скитахъ. Алтарь громадныхъ размѣровъ: онъ занимаетъ всю восточную часть храма, который имѣетъ въ длину 30 саж., въ ширину 15 саж. и въ вышину съ куполомъ 16 саж. На престолѣ серебряная золоченая красивой работы одежда подъ зеркальными стеклами. На гор-

---

[3]) Онъ освящэнъ въ 1896 году.

немъ мѣстѣ чуднаго письма, въ роскошной рамѣ, настѣнная картина Преображенія Господня, а выше изображеніе Тайной Вечери. Около жертвенника картина: св. Василій Великій совершаетъ литургію. Обычно, въ храмахъ оборотная сторона иконостаса, выходящая въ алтарь, бываетъ или закрашена краской, или обтянута какой нибудь матеріей, а здѣсь дерево иконостаса выкрашено подъ мраморъ, въ мѣстахъ же наружныхъ иконъ вставленъ холстъ, натянутый въ золоченыя рамки, и покрытый иконною живописью. Полъ и подоконники во всемъ храмѣ гранитные, блестяще отполированные. Въ куполѣ изображенъ Господь Саваоѳъ и семь Архангеловъ, а ниже въ кругахъ—Іисусъ Христосъ и 12 апостоловъ. Кругомъ купола рѣшетка, къ которой придѣланы подсвѣчники для свѣчей, зажигаемыхъ въ большіе праздники. Посрединѣ храма спускается очень красивая золоченая въ 48 свѣчъ люстра въ стилѣ 17 вѣка, съ рѣзными, самой тонкой работы, украшеніями и подвѣсками. Такія же 4 люстры, но меньшихъ размѣровъ, висятъ по бокамъ. Иконостасъ четырехъярусный, рѣзной и вызолоченный по бѣлому фону. Такъ же весь сдѣланъ трудами братіи. Валаамскими же мастерами сооружены и висячіе легкой ажурной работы подсвѣчники предъ образами. Отъ солеи идетъ дорожкой и расширяется въ большой квадратный коверъ мозаичный полъ, въ серединѣ котораго находится большая цвѣтная звѣзда. Очень красиво устроена у правой колонны Голгофа, а подъ нею плащаница, а на лѣвой колоннѣ—чуднаго письма Казанская икона Божіей Матери, а внизу рака съ 122 частицами св. мощей. Среди картинъ по стѣнамъ я, между прочимъ, видѣлъ очень рѣдкую картину, изображающую „Обрѣзаніе Господне": на столѣ сидитъ держимый Богоматерію Богомладенецъ Іисусъ ; предъ нимъ находится священникъ, готовящійся совершить священный обрядъ обрѣзанія; въ правой рукѣ у него каменный ножъ, а въ лѣвой полотняный бинтъ, около же стоитъ юный левитъ, держа въ рукѣ небольшое блюдечко. Въ сторонѣ виднѣется фигура праведнаго Іосифа. Я впервые встрѣчаю подобное изображеніе, и въ немъ я не нашелъ ничего неудобнаго, тѣмъ болѣе, соблазнительнаго. У западной стѣны устроены громадные хоры,тоже сплошь росписанные. Особенно выдѣляется по своимъ громаднымъ размѣрамъ картина изображающая „Входъ Господень въ Іеруса-

лимъ" (художн. Дорэ). Всѣхъ картинъ въ храмѣ насчитывается до 200. Повторяю, я, войдя въ храмъ этотъ, былъ прямо пораженъ красотою внутренней отдѣлки, полною гармоніею тона и красокъ, тщательной отдѣлкой каждаго мѣстечка и тою массою картинъ и изображеній, которыя такъ красиво и со вкусомъ размѣщены по всему собору.

Возвращаюсь къ описанію праздничной всенощной. При торжественномъ трезвонѣ колоколовъ по усыпанной листьями папоротника и другихъ цвѣтовъ дорожкѣ изъ царскихъ покоевъ прослѣдовали въ храмъ всѣ три Преосвященныхъ. Всенощную началъ чередной іеромонахъ, много лѣтъ бывшій архидіакономъ и до сихъ поръ сохранившій сильный голосъ—басъ. Напѣвъ здѣсь особенный „столповой", но нѣсколько видоизмѣненный. Мнѣ впервые пришлось слышать такое пѣніе и такое исполненіе, въ которомъ я нашелъ много оригинальнаго и интереснаго. Напримѣръ „Благослови душе моя Господа" начинаетъ головщикъ затѣмъ поетъ весь хоръ, далѣе чтецъ читаетъ пропущенные стихи псалма до слѣдующаго стиха, который положено пѣть, а тамъ опять чтеніе. Такъ же исполняется и „Хвалите имя Господне"... Стихиры, конечно исполняются всѣ съ канонархомъ. Мнѣ очень понравился здѣшній канонархъ. У него сильный и пріятный голосъ и очень ясная дикція. Догматикъ пѣли оба хора вмѣстѣ, соединившись на рединѣ. Какое могучее и стройное пѣніе! Только въ немъ больше слышатся заунывныя, протяжныя нотки, которыя невольно хватаютъ за душу. Этотъ печальный тонъ находится въ гармоніи съ дикой и строгой природой Валаама. Мнѣ слышалось нѣчто подобное даже въ трезвонѣ колоколовъ. Есть очень хорошіе голоса. Въ особенности выдѣляется теноръ, чистый, высокій, пріятный и замѣчательно сильный. Онъ прямо краситъ все пѣніе. Я потомъ видѣлъ обладателя этого чуднаго голоса. Это Василій Поповъ, рясофорный послушникъ лѣтъ 40, братъ регента или, какъ здѣсь принято называть, головщика на правомъ хорѣ. Есть хорошая октава у Аннена [4]). При пѣніи и чтеніи нѣтъ ни какихъ замѣшательствъ, ни неловкихъ паузъ; все идетъ плавно, чинно, стройно. Каждый чтецъ знаетъ свое

[4]) Мнѣ разсказывали про него, что онъ по окончаніи высшаго образованія, кажется, университета, занимался адвокатурой, а затѣмъ бросилъ все это и живетъ уже нѣсколько лѣтъ на Валаамѣ. Онъ сынъ сенатора.

дѣло и исполняетъ его, не торопясь, истово, съ благоговѣніемъ. На литію выходили три Владыки и 18 паръ священниковъ и іеромонаховъ. Служили всѣ пріѣзжіе священники и ученые монахи. Ризница очень хорошая. У всѣхъ было парное бѣлое съ золочеными крестами облаченіе. У архидіакона красный орарь съ вышитыми словами трижды „святъ“, дважды перекинутый черезъ плечо, что рѣзко выдѣляетъ его изъ среды другихъ іеродіаконовъ. Вторымъ служилъ пріѣхавшій съ Архіепископомъ Сергіемъ Выборгскій протодіаконъ. Голосъ не важный, но манера и произношеніе хорошіе. Послѣ первой каѳизмы читалось положенное по уставу слово. При пѣніи „хвалите имя Господне“ спустились въ нижній храмъ къ ракѣ Преподобныхъ. Красивое это было зрѣлище. Насъ на величаніе вышло до 60 челов. и всѣ двумя длинными лентами протянулись отъ раки почти до самой солеи. У владыкъ были красныя золоченыя свѣчи, вставленныя въ серебряные съ изогнутой рукояткой подсвѣчники. Всенощная кончилась въ два часа утра. Да, это настоящее всенощное бдѣніе! Было совсѣмъ свѣтло, когда я вышелъ изъ церкви. Я служилъ раннюю обѣдню, которая должна была начаться въ $4^1/_2$ часа. Спать почти не приходилось; не раздѣваясь, чтобы не проспать, я подремалъ около часа. Нужно было разбудить дѣтей, которые готовились причащаться тоже за ранней литургіей. Съ большимъ трудомъ удалось ихъ разбудить въ такой неурочный часъ и привести въ чувство. Раннюю служило насъ 9 человѣкъ. За предстоятеля служилъ Архимандритъ Зиновій, правитель канцеляріи злодѣйски убіеннаго экзарха Грузіи—Архіепископа Никона. Онъ вмѣстѣ съ Тифлисскимъ протоіереемъ участвовалъ въ депутаціи, командированной сопровождать гробъ убіеннаго Архіепископа Никона во Владиміръ. Послѣ похоронъ, вотъ, онъ и заѣхалъ на Валаамъ помолиться. За ранней, которая совершалась въ нижнемъ храмѣ, было много причастниковъ (до 600 чел.). На „буди имя Господне“ корельскій миссіонеръ на корельскомъ языкѣ (такъ какъ большая часть богомольцевъ—это православные корелы) произнесъ проповѣдь. Послѣ литургіи предъ ракою угодниковъ Божіихъ былъ совершенъ молебенъ.

Мнѣ очень понравился заведенный на Валаамѣ обычай записки заздравныя и заупокойныя послѣ прочтенія діако-

номъ, давать для прочтенія священникамъ, которые тайно и прочитываютъ ихъ, то же самое дѣлается и на молебнѣ. Молебенъ всегда начинается пѣніемъ „Царю Небесный". Было уже восемъ часовъ, когда мы вышли изъ храма, и звонили къ поздней литургія, которую торжественно совершили три Архіерея съ массою сослужащаго духовенства. Утомленный дорогой и тремя почти безъ сна проведенными ночами я, напившись чаю въ покояхъ игумена, къ которому всѣ служившіе раннюю литургію были любезно приглашены о. намѣстникомъ, не въ силахъ былъ бороться со сномъ и прилегъ немного отдохнуть. Было уже 12 час., когда я подошелъ къ собору, тамъ уже заканчивался молебенъ, о чемъ возвѣщалъ троекратный трезвонъ (при каждомъ многолѣтіи). Вскорѣ вышли изъ церкви преосвященные Владыки для слѣдованія въ трапезу. Архіепископъ Сергій былъ въ митрѣ. Впереди его, осѣняя рипидами, очередной іеромонахъ и іеродіаконъ несли на панагіарѣ (особое блюдо) „Пречистую" т. е. Богородичную просфору. За Владыками потянулось монашествующее духовенство въ мантіяхъ. Монастырскіе фотографы снимали эту процессію. Трапеза, куда я вслѣдъ за другими послѣдовалъ, представляетъ изъ себя большую свѣтлую и длинную комнату въ которой на восточной сторонѣ находится иконостасъ. Столы тянутся въ три ряда. Владыка Сергій занялъ игуменское мѣсто. По сторонамъ его помѣстились два другихъ Владыки, затѣмъ архимандриты, игумены и т. д. всѣ по старшинству. Я замѣтилъ, что здѣсь субординація строго соблюдается. Столы ради праздника были покрыты чистыми скатертями; въ обычное же время скатертей не полагается. Для каждаго была поставлена оловянная тарелка, около нея деревянная ложка собственной работы, лежало по большому ломтю чернаго и бѣлаго хлѣба и по маленькому кусочку антидора, а сбоку между двухъ солонокъ стояла оловянная чаша съ квасомъ и ковшъ. Миска или блюдо съ кушаньемъ полагается на четверыхъ. Салфетки кладутся одна на двухъ. Считаю весьма интереснымъ упомянуть о кушаньяхъ, которыми угощали насъ въ праздникъ. Вотъ меню праздничнаго обѣда: 1) ботвинья съ рыбой—пальей [5]), 2) щи съ кислой капустой и снетками (эти

[5]) Палья—родъ форели, довольно крупная: фунт. на 12, которую ловятъ монастырскіе рыбаки преимущественно въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, и которая въ соленомъ видѣ сохраняется въ теченіи года.

кушанье бываетъ неизмѣнно круглый годъ; только въ постные дни (понедѣльникъ, среда и пятница) безъ снетковъ; 3) уха изъ судачковъ и сиговъ и 4) пшенная каша съ подсолнечнымъ масломъ. Ни пироговъ, ни рыбныхъ заливныхъ, ни жаркихъ, ни сладкихъ здѣсь никогда не бываетъ. Я былъ пораженъ этой простотой стола. Монастырь остается вѣренъ своимъ уставамъ и традиціямъ, и даже ради пріѣзда Владыкъ, раздѣляющихъ вмѣстѣ съ братіей ихъ трапезу, не сдѣлалъ никакихъ отступленій и лишнихъ блюдъ. Невольно припомнились мнѣ тѣ роскошныя трапезы, которыя устраиваются въ настоятельскихъ покояхъ и которыми въ дни праздниковъ наши обители угощаютъ гостей своихъ. Чего, чего тамъ нѣтъ на роскошно убранныхъ столахъ; какихъ винъ и напитковъ не поставлено! И спрашивается, къ чему все это? Оказывается, что можно обходиться и безъ этихъ дорогостоющихъ, раззорительныхъ для обителей обѣдовъ и закусокъ. А сколько нареканій-то бываетъ на наши монастыри изъ-за этихъ дорогихъ съ обильными возліяніями трапезъ. Вѣдь сплошь и рядомъ слышишь: „вотъ сборщиковъ посылаютъ, мы жертвуемъ на поддержаніе обителей, а сами въ сто, двѣсти рублей обѣды устраиваютъ“. А что чувствуетъ нисшая братія, которой не перепадаетъ даже и крупицъ съ обильной настоятельской трапезы? Ничего подобнаго нѣтъ на Валаамѣ, гдѣ игуменъ всегда обѣдаетъ и ужинаетъ вмѣстѣ съ братіей, гдѣ столъ для всѣхъ одинъ и тотъ же, не только для братіи, но и для богомольцевъ или, какъ здѣсь на Валаамѣ принято называть, „гостей“ было очень много—до 600 человѣкъ—и всѣхъ кормили. Богомольцы мужчины обѣдали—одни въ этой же самой трапезѣ, другіе въ сосѣдней—тоже громадной комнатѣ; третьи послѣ окончанія первой трапезы; а финны—тѣ на открытомъ воздухѣ во дворѣ гостиницы на устроенныхъ спеціально для праздника столахъ. Для женщинъ въ зданіи гостиницы, въ нижнемъ этажѣ, имѣется отдѣльная трапезная, состоящая изъ двухъ свѣтлыхъ и большихъ комнатъ, которыя въ зимнее время служатъ классными комнатами для обучающихся грамотѣ мальчиковъ. Пища та-же самая, что и въ главной трапезѣ. Мнѣ очень понравился порядокъ и тишина во время трапезы. Ни разговоровъ, ни обычныхъ шутокъ. Тихо, чинно. Одинъ лишь чтецъ, стоя на высокой каѳедрѣ, громко и внятно читаетъ Слово преп. отцамъ

Сергію и Герману, Валаамскимъ угодникамъ. Въ праздникъ читалъ іеромонахъ Вонифатій, съ которымъ я познакомился во время поѣздки по скитамъ, куда онъ тоже ѣздилъ служить молебны. Звонки на перемѣну кушаній подавалъ самъ Арх. Сергій. Кушанье ставится на столъ съ молитвой Іисусовой. Приступая къ новому кушанью или начиная пить квасъ, сидящіе на одной мискѣ кланяются другъ другу. Кашу мѣшаютъ особенной, большой деревянной ложкой, и это дѣлаетъ, обыкновенно, старшій изъ сидящихъ. Послѣ окончанія четвертаго кушанья дается звонокъ, чтецъ прекращаетъ чтеніе, приходитъ къ настоятелю и получаетъ отъ него благословеніе. Затѣмъ настоятель трижды ударяетъ въ звонокъ, и всѣ встаютъ изъ-за стола. Поются благодарственныя молитвы, во время которыхъ чередной іеромонахъ надѣваетъ эпитрахиль и съ чередными іеродіакономъ приступаютъ къ совершенію обряда „Пречистой", который бываетъ въ каждый воскресный и праздничный день. Вотъ какъ совершается этотъ никогда прежде невиданный мною обрядъ, ведущій свое начало отъ первыхъ дней христіанства. Діаконъ говоритъ: „Благословите меня, отцы святіи и братіе, и простите мнѣ грѣшному", и сейчасъ же беретъ блюдо съ просфорою и, поднося его къ образу св. Троицы, возглашаетъ: „Велико имя", Іеромонахъ же говоритъ: „Святыя Троицы", и, поднося блюдо къ образу Пр. Богородицы, присовокупляетъ: „Пресвятая Богородица, помогай намъ". Пѣвчіе на это поютъ: „Тоя молитвами, Боже, помилуй и спаси насъ, и тропарь Богородиченъ: Блажимъ тя вси роди, Богородице Дѣво" и „Достойно есть". Далѣе настоятель, а въ этотъ разъ самъ Владыка возглашаетъ: Во многія молитвы Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи". Пѣвчіе на это опять отвѣчаютъ: „Тоя молитвами, Боже помилуй и спаси насъ".—Настоятель говоритъ: „милостивъ и щедръ Господь, пищу даде боящимся Его", а пѣвчіе поютъ псаломъ: „Возвеселихся о рекшихъ мнѣ", дальше трисвятье и, по „Отче нашъ", „Благодаримъ тя, Христе Боже нашъ", кондакъ и тропарь празднику; послѣ этого отпускъ отъ настоятеля, и просфора быстро раздробляется на мелкіе кусочки и раздается всѣмъ присутствующимъ въ трапезѣ.—Выходятъ изъ трапезы всѣ также чинно, старшіе идутъ впереди. Какъ не похоже наше поведеніе во время обѣда и, вообще, во время вкушенія

пищи! Здѣсь я чувствовалъ себя какъ бы въ атмосферѣ храма; трапеза была какъ бы продолженіемъ богослуженія. Можетъ быть, кто-нибудь подумаетъ, что все такъ чинно совершается потому, что самъ Архіерей присутствовалъ. На это скажу: я былъ тамъ 6 дней, присутствовалъ за трапезой и послѣ отъѣзда Владыкъ, но порядокъ и тишина были тѣ же, что и при нихъ. Послѣ трапезы, вернувшись въ гостиницу, мы узнали что богомольцы ѣдутъ въ Свирскій и Ильинскій скиты. Конечно, мы поспѣшили взять билеты и направились на пароходѣ „Сергій". День былъ ясный и жаркій. Солнце немилосердно палило. Вѣтеръ не шелохнетъ. Воды какъ бы тихо дремали въ гранитныхъ берегахъ заливовъ. До святого острова, гдѣ находится скитъ. преп. Александра Свирскаго, нужно ѣхать 7 верстъ. Двѣ громадныхъ лодки были полны богомольцами, и пароходикъ еле тащилъ ихъ. Дорогой мнѣ пришлось сидѣть рядомъ съ какимъ-то почтеннымъ Петербургскимъ старичкомъ, который всю дорогу говорилъ о современной учащейся молодежи, на счетъ упадка ея религіозныхъ вѣрованій и идеаловъ. На мою защиту молодежи онъ возразилъ: „нѣтъ, батюшка, вы мнѣ этого не говорите. У меня у самого дѣти студенты". И, если (вѣрить) есть хоть доля правды въ словахъ старичка, то отъ молодого поколѣнія ждать хорошаго ничего не приходится. Вмѣстѣ съ нами ѣхали для служенія молебновъ въ этихъ скитахъ о. намѣстникъ, два іеромонаха и пѣвчіе.—Свирскій скитъ находится на высокой гранитной скалѣ, покрытой лѣсомъ, на которую ведетъ очень узкая тропинка почти по самому краю обрыва или пропасти. Говорятъ, что эту дорожку устроилъ одинъ инокъ безъ всякой посторонней помощи. Надъ головами висятъ огромныя массы каменной скалы, а внизу глубокое озеро. Жутко было подниматься на такую крутизну. Вотъ, того и гляди оборвется такой камень и всѣхъ погрузитъ въ бездну. Мѣстами дорожка идетъ по самому краю пропасти и обнесена деревянными перилами. Но какой чудный видъ открывался отсюда на озеро и виднѣвшіяся вдали острова! Невольно вырывались слова искренняго удивленія при видѣ этихъ красотъ Валаамской природы. Скоро мы добрались до пещеры преп. Александра Свирскаго, устроенной преподобнымъ во время пребыванія его на этомъ островѣ для своихъ молитвенныхъ подвиговъ въ разсѣлинѣ громадной скалы. Богомольцы толпились около нея,

ожидая очереди, такъ какъ туда можно входить лишь только по одному человѣку, потому что проходъ и пещерка очень тѣсные. Многіе покупали свѣчи и ставили въ пещерѣ предъ иконою препод. Александра. Идти туда нужно, низко наклонивъ голову. Недалеко отъ пещерки находится и самая Скитская церковь; возлѣ нея могила, по преданію, вырытая руками самого преподобнаго. Надъ нею стоитъ гранитный крестъ. Церковь простой архитектуры деревянная; изъ дерева же выточена и вся утварь: подсвѣчники, паникадила, лампады и т. п. Простота церкви невольно переноситъ мысль посѣтителя ко днямъ преп. Александра, когда вездѣ и во всемъ царила она въ своей патріархальной чистотѣ. Въ этомъ скиту молочная пища не допускается. Послѣ молебна мы вернулись на пароходъ для слѣдованія въ слѣдующій Ильинскій скитъ, отстоящій отъ монастыря въ разстояніи 10 верстъ. Древнее названіе этого острова, на которомъ раскинулся Ильинскій скитъ—Лембосъ. Скитъ этотъ выстроенъ въ 1867 г. при игуменѣ Дамаскинѣ—этомъ неутомимомъ строителѣ, оставившемъ послѣ себя вѣчную память на Валаамѣ. Ильинскій островъ больше „Святого"; онъ до 2 верстъ въ окружности. Онъ такой же высокій и покрытъ вѣковыми соснами. Съ южной стороны на половинѣ горы пріютилась такая же маленькая, какъ и на Святомъ островѣ, скитская деревянная церковь въ честь пророка Божія Иліи. Немного пониже церкви—колодезь, высѣченный въ каменной скалѣ и обдѣланный мраморомъ, съ вкусною ключевою водою. По сторонамъ колодца фруктовый садъ и огородъ. Яблони были въ полномъ цвѣту. Я удивился, что они цвѣли такъ поздно; также цвѣла и сирень. И здѣсь тоже былъ отслуженъ молебенъ.

На обратномъ пути насъ батюшекъ о. намѣстникъ пригласилъ въ нижнюю каюту и угостилъ чайкомъ съ мягкими и довольно вкусными монастырскими булками. Между тѣмъ, погода быстро измѣнилась, дулъ рѣзкій вѣтеръ, и сидѣть на палубѣ легко одѣтымъ было холодно. Шла уже вечерня, когда мы вернулись въ монастырь. Немного отдохнувъ, я направился въ храмъ ко всенощной. Пошелъ пораньше для того, чтобы увидѣть ризничаго и получить отъ него разрѣшеніе служить 29-го съ Владыкой позднюю литургію. Отъ ризничаго я узналъ, что Высокопреосв. Сергій будетъ служить раннюю литургію

на корельскомъ языкѣ, а позднюю совершитъ Еписк. Арсеній, съ которымъ мнѣ и предложено было служить, на что я охотно согласился. Всенощная началась въ 8 часовъ. Шла она также торжественно, какъ и на самый праздникъ. На литію и величаніе выходили два Владыки: Архіеп. Сергій и Епископъ Арсеній, но монашествующаго духовенства выходило меньше, чѣмъ на праздникъ. Я замѣтилъ, что и среди богомольцевъ монашествующей братіи было немного. Потомъ мнѣ объяснили, что чуть не каждому брату въ эти дни дано какое нибудь послушаніе: кто стоялъ на сторожевыхъ пунктахъ въ разныхъ мѣстахъ монастыря и острова, наблюдая за порядкомъ среди богомольцевъ и оберегая сады и огороды, такъ какъ финны-туристы лѣзли всюду, рвали цвѣты въ цвѣтникахъ и садахъ, а два финна даже разбили стекло у памятника на могилѣ приснопамятнаго игумена Дамаскина, (вотъ вамъ и культурный народъ); кто помогаетъ въ трапезѣ, свѣчникамъ, въ иконокнижной лавкѣ, гдѣ шла очень бойкая торговля иконами, крестиками, картинками, фотографическими снимками, альбомами и другими предметами и издѣліями Валаамскаго монастыря (ложки, мраморные письменные приборы, камни съ видами Валаама, четки, бусы, солонки, ковши раскрашенные или выжженные по дереву и разныя токарныя вещицы, довольно изящныя и т. п.). Всенощная длилась ровно 5 часовъ. Признаюсь, я едва достоялъ до конца: сонъ бралъ свое, да мы и не привыкли къ такимъ длиннымъ службамъ. Въ нашихъ приходскихъ церквахъ богослуженіе такъ сокращено, что я впервые слышалъ многія священныя пѣснопѣнія: сѣдальны, подобны, ипокои, свѣтильны и пр. Въ Петровъ день предъ поздней обѣдней здѣсь всегда совершается крестный ходъ кругомъ монастыря. Онъ былъ совершенъ также и въ этомъ году предъ поздней литургіей. Было семь часовъ, когда мы вмѣстѣ съ о. Александромъ С. пришли въ храмъ; въ низу шла ранняя литургія, пѣли „Вѣрую“ по корельски кореллы-любители; хоръ смѣшанный, преобладаютъ дѣвочки подростки. Пѣли очень стройно. Мотивъ нашъ, но словъ не понять: разсказывали, что они очень хорошо исполнили „Херувимскую“ Бортнянскаго. Я съ великимъ удовольствіемъ простоялъ литургію до конца, слушая на непонятномъ мнѣ языкѣ такъ знакомую службу. Вмѣсто запричастнаго молодой проповѣдникъ—при-

родный корелъ—семинаристъ, сказалъ проповѣдь. Мнѣ очень понравилось это богослуженіе.

Въ восемь часовъ начался перезвонъ къ крестному ходу, въ которомъ приняли участіе преосвященные Тихонъ и Арсеній и все духовенство, служившее позднюю. Крестный ходъ продолжался около часу. Заходили на братское кладбище[6]), и тамъ была отслужена краткая литія. Позднюю служилъ преосвящ. Арсеній. Служило почти все ученое пріѣзжее монашествующее духовенство. Мнѣ очень понравилось исполненіе „Херувимской" и „Достойно есть" Валаамскимъ напѣвомъ. Послѣ литургіи былъ совершенъ молебенъ свв. первоверховнымъ Апостоламъ. Я впервые слышалъ такой полный молебенъ, какъ былъ онъ совершенъ здѣсь. Продолжался онъ безъ малаго часъ. Канонъ весь: ирмосы и запѣвы пѣлись, а тропари читались. Въ концѣ молебна послѣ двухъ обычныхъ многолѣтій, архидіаконъ возглашаетъ: „Спаси, Христе Боже, Ладожскаго первокласснаго Валаамскаго монастыря, игумена Маврикія о Христѣ съ братіей". Пѣвчіе особымъ печально-заунывнымъ напѣвомъ трижды поютъ: „Спаси, Христе Боже". Это выходитъ очень трогательно. Заразъ же послѣ молебна направились въ трапезу. По случаю розговѣнья въ холодное съ квасомъ и щи со снетками прибавлено было немного сметанки; равно и супъ съ макаронами и пальей тоже былъ приправленъ сметаною; пшенная каша также была со скоромнымъ масломъ. Во время обѣда читалось слово въ честь Апост. Петра и Павла. Послѣ трапезы состоялась поѣздка въ Воскресенскій скитъ или „Никаново", недавно выстроенный, гдѣ на подобіе новаго Іерусалима кругомъ годъ совершается Пасхальное богослуженіе. Храмъ новый, каменный, двухъэтажный. Внизу устроено подобіе кувукліи, въ которую ведетъ узкій проходъ, и. тамъ находится камень помазанія и гробъ Господень (въ бѣлыя мраморныя плиты вдѣланы части отъ камня помазанія и гроба Господня изъ Іерусалима). Ра-

[6]) На этомъ кладбищѣ обращаетъ на себя вниманіе могила шведскаго короля Магнуса, который былъ погребенъ здѣсь въ 1371 г. Древнее преданіе гласитъ, что онъ дважды ходилъ походомъ на Русскую землю и давъ клятву о прекращеніи войны, снова пошелъ. За это подвергся жестокому Божьему наказанію: все войско его погибло въ волнахъ Ладожскаго озера, а самъ онъ чудомъ спасся на лодкѣ. Иноки Валаамскіе избавили его отъ неминуемой смерти и, внесли въ свою обитель. Магнусъ крестился и получилъ христіанское имя Григорій, предъ своей кончиной былъ постриженъ въ монахи и даже удостоился схимы.

достно было слышать Пасхальныя пѣснопѣнія, которыя громко и стройно разносились подъ открытымъ небомъ среди зелени густого лѣса, окружающаго храмъ, предъ которымъ совершался сонмомъ духовенства торжественный молебенъ. Мы пріобрѣли фотографіи храма и пещеры Воскресенія. На обратномъ пути въ монастырь ѣхавшіе съ нами монастырскіе пѣвчіе пѣли стихъ о Валаамѣ: „О дивный островъ Валаамъ, рука Божественной судьбы воздвигла здѣсь обитель рая, обитель высшей чистоты. Обитель чудную, святую, жилище избранныхъ людей, обитель сердцу дорогую, обитель мира отъ страстей". Небольшой хоръ съ глубокимъ чувствомъ пѣлъ этотъ гимнъ, посвященный ихъ дорогой обители, и это пѣніе прямо хватало за душу, трогало за сердце. Я пріобрѣлъ переложенный на ноты для смѣшаннаго хора этотъ стихъ, но не знаю, выйдетъ ли у нашихъ пѣвчихъ что-нибудь, такъ какъ въ пѣніи, помимо техники, имѣетъ еще очень важное значеніе чувство, котораго въ большинствѣ случаевъ и недостаетъ. Когда я слушалъ это пѣніе, мнѣ представилась вся историческая судьба Валаамской обители. Моему воображенію представился Валаамъ языческій; мое воображеніе рисовало здѣсь на гранитныхъ утесахъ Валаама капища Велеса (или же Волоса [7]) и Перуна; дымящіяся жертвы; я какъ бы видѣлъ „вѣщихъ" старцевъ, языческихъ жрецовъ, жившихъ здѣсь, и пробиравшихся къ нимъ сквозь лѣсную гущу номадовъ,—первыхъ обиталелей этихъ острововъ. Да, именно, здѣсь, а ни гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, думалось мнѣ, должно было находиться средоточіе языческаго культа. Это подтверждаетъ и громадность и угрюмость скалъ, и таинственный мракъ лѣсовъ, и свирѣпость яростныхъ волнъ Ладожскаго озера, съ дикимъ шумомъ устремляющихся во время бури на исполинскія стѣны угрюмыхъ и громадныхъ скалъ, и отдаленность Валаама отъ населенныхъ береговъ. Здѣсь на Валаамскомъ материкѣ, а не гдѣ нибудь на другомъ мѣстѣ, грубый идолопоклонникъ могъ свои суровыя думы и ощущенія мѣнять на благоговѣніе предъ Всевышнимъ, какъ онъ понималъ и представлялъ его себѣ; а равно и жрецы, среди здѣшней величественно—мрачной природы могли силь-

[7]) Считаю небезъинтереснымъ привести этимологическій разборъ слова «Валаамъ», по фински «Валамо»: «мо» —по ижорски значитъ—земля, и «Валъ»—сокращенное Ваалъ, Волосъ, Велесъ. Такъ «Валаамо» будетъ значить «земля Велеса».

нѣе дѣйствовать на умъ, волю и воображеніе приходящихъ къ нимъ язычниковъ. Моя мысль устремлялась еще дальше: припоминалось мѣстное христіанское преданіе о святомъ Апостолѣ Андреѣ Первозванномъ, просвѣтителѣ скиѳовъ и славянъ, которое гласитъ, что онъ, прибывши изъ Кіева въ Новгородъ, по рѣкѣ Волхову доходилъ не только до Грузина, но переплылъ Ладожское озеро и достигъ Валаамскихъ острововъ; здѣсь онъ истребилъ капища Велеса и Перуна и обратилъ въ христіанскую вѣру жрецовъ и язычниковъ, а нѣкоторыхъ изъ спутниковъ своихъ онъ оставилъ пастырями новообращеннаго стада Христова [8]). Далѣе вспоминалось мнѣ все, что устное преданіе и исторія сохранили о первыхъ основателяхъ иноческой жизни на Валаамѣ, которыми считаются препод. Сергій и Германъ. Первымъ явился сюда препод. Сергій, приплывшій въ утломъ челнокѣ. Кто онъ былъ: грекъ ли или славянинъ, или Новгородскій посадникъ, сказать трудно. Трудно опредѣлить и годъ его прибытія на Валаамъ. Одно лишь несомнѣнно, что онъ явился сюда и здѣсь зажегъ свѣтъ истинной вѣры гораздо ранѣе Равноапостольнаго князя Владимира и его святой бабки кн. Ольги, такъ какъ въ 960 г., какъ видно изъ житія преп. Авраамія Ростовскаго, постриженника Валаамской обители, здѣсь на Валаамѣ уже существовалъ монастырь, управляемый игуменомъ. Учреждая иночество на Валаамѣ, препод. Сергій распространялъ тамъ и христіанство. Онъ, между прочимъ, крестилъ одного знатнаго человѣка, по имени Мунга, назвавъ его Куортомъ. Проходили годы. Короткое сѣверное лѣто не разъ уже смѣнилось продолжительною зимою; и свѣтлая заря истинной Христовой вѣры все болѣе и болѣе разгоралась надъ Валаамскими островами. Вокругъ препод. Сергія, поселившагося въ скалистой пещерѣ (Ваала), собиралось все больше и больше послѣдователей. Былъ выстроенъ и небольшой храмъ въ честь Спаса, въ которомъ препод. Сергій, имѣвшій священный санъ, совершалъ богослуженіе, возносилъ безкровную жертву. Не могъ не радоваться Преподобный, что посѣянное имъ сѣмя слова Божія упало на хорошую землю,

[8]) Это преданіе почерпнуто изъ «Оповѣди», рукописи, бывшей въ библіотекѣ Валаамскаго монастыря, а также «Вселѣтника» Кіевскаго митрополита Илларіона; о немъ упоминаетъ и Еп. Игнатій (Брянчаниновъ) въ своемъ сочиненіи: «Посѣщеніе Валаамскаго монастыря»; т. 1, стр. 431.

но не могъ безъ тревоги заглядывать и въ будущее, когда чувствовалъ, что каждый проходившій годъ трудовой жизни уноситъ его силы, и что онъ съ каждымъ годомъ становится все болѣе и болѣе дряхлымъ старцемъ, а преемника въ начатомъ имъ дѣлѣ нѣтъ. Вотъ, къ этому времени и относится прибытіе на Валаамъ преп. Германа—другого знаменитаго Валаамскаго подвижника. Трудно сказать теперь, что привело послѣдняго на Валаамъ; достигла ли до него уже молва о подвигахъ и дѣятельности преп. Сергія, или же влекла его ревность бороться съ язычествомъ. Умалчиваетъ исторія и о происхожденіи преп. Германа. Извѣстно, только, что преп. Германъ, прибылъ на Валаамъ уже къ концу жизни преп. Сергія, и что онъ также имѣлъ санъ пресвитера. Послѣ праведной кончины преп. Сергія, преп. Германъ сдѣлался главою монашескаго братства на Валаамѣ. При немъ былъ выстроенъ новый большой храмъ, и окончательно установлены тѣ строгія правила общежитія, которыя были заведены еще преп. Сергіемъ [9]). Жизнь иноковъ Валаамскихъ представляла непрерывный подвигъ молитвы и труда. Язычество изчезло съ Валаама, не оставивъ тамъ даже и слѣда, и здѣсь высоко и величаво вознесся и заблисталъ св. крестъ, какъ символъ побѣды свѣта и добра надъ мракомъ и зломъ. И какъ быстро все измѣнилось, тамъ, гдѣ такъ недавно еще дымились смрадныя куренія языческихъ жертвоприношеній, теперь воскурялся благоуханный фиміамъ, гдѣ раздавались отвратительные вопли языческихъ жрецовъ, тамъ теперь неслось стройное церковное пѣніе. Иноческая жизнь на Валаамскихъ островахъ все болѣе и болѣе развивалась. Этому развитію не мало содѣйствовала и самая природа: чудная, величественная красота природы, это чудное спокойное зеркало водъ съ отражающимися въ немъ суровыми прибрежными скалами и ярко-зеленою каймою прибрежныхъ лѣсовъ невольно возводили мысль къ Тому, у Кого все, что Онъ создалъ, „добро зѣло“, и невольно располагали къ созерцательной жизни. Когда же на озерѣ разыгрывалась буря, а это было и теперь, очень часто бываетъ, въ особенности въ осенніе мѣсяцы, и когда грозныя и бурныя волны съ дикимъ шумомъ и ревомъ

---

[9]) Мощи преп. Сергія и Германа, по свид. Софійской лѣтописи, обрѣтены въ 1163 г.

ударялись о каменныя скалы, когда сильный вѣтеръ съ трескомъ вырывалъ исполинскія деревья или ломалъ ихъ пополамъ, невольный страхъ предъ грознымъ величіемъ природы проникалъ въ душу, сердце сжималось отъ тайной непонятной грусти и умъ погружался въ грубокую думу... Припомнилось мнѣ, что здѣсь подвизался великій угодникъ Сѣвернаго края и основатель Соловецкаго монастыря пр. Савватій. Отсюда онъ въ 1429 г. отправился на Соловецкіе острова, объятый чувствомъ пустыннолюбія и смиренномудрія. Пронеслась въ моемъ воображеніи и вся дальнѣйшая многострадательная судьба Валаамской обители. Въ особенности тяжелы были самые древніе годы ея существованія. Почти каждое десятилѣтіе она подвергалась нападенію со стороны Латинянъ и Шведовъ, которые иногда раззоряли ее до основанія. Непріятели иногда совсѣмъ избивали и разгоняли иноковъ Валаамскихъ и водворялись сами на островѣ. Въ такихъ случаяхъ оставшіеся въ живыхъ иноки убѣгали куда-нибудь въ безопасное мѣсто, преимущественно въ Новгородъ, подъ управленіемъ котораго они находились, благоговѣйно унося съ собою и нетлѣнныя мощи пр. Сергія и Германа, которыя потомъ, по миновании опасности, снова были переносимы на Валаамъ. Это повторялось неоднократно. Наконецъ, въ 1180 г. св. мощи въ послѣдній разъ при святителѣ Іоаннѣ были перенесены изъ Новгорода на Валаамъ, и съ тѣхъ поръ на немъ пребываютъ неотлучно.[10]). Невольно при этомъ вспомнились мнѣ слова стихотворенія о Валаамской обители, только сейчасъ исполненнаго пѣвчими:

Одно, одно лишь знаю вѣрно;
Ты много вынесла скорбей.
Терпѣла много покушеній
Отъ злыхъ завистливыхъ людей.
Тебя не разъ опустошала
Толпа неистовыхъ враговъ;

---

[10]) Это совершилось 11 сент. Въ память сего послѣдняго возвращенія свят. мощей въ Валаамскую обитель и совершается въ это число ежегодно праздникъ. Затѣмъ изъ опасенія будущихъ набѣговъ и оскорбленіе свят. тѣлъ своихъ защитниковъ, иноки Валаамскіе, съ благословенія св. Архіепископа Новгородскаго Іоанна, скрыли св. мощи въ изсѣченной на островѣ глубокой могилѣ, гдѣ они съ тѣхъ поръ подъ спудомъ, и почиваютъ. Надъ ихъ гробомъ теперь красуется величественный храмъ, и въ немъ драгоцѣнная рака, о чемъ уже я и говорилъ выше.

Но ты лишь мужество являла
Средь всѣхъ лишеній и тревогъ,
И послѣ долгихъ испытаній,
Опустошеній и борьбы,
Какъ властелинъ своихъ желаній,
Во всей красѣ явилась ты!

Въ эту минуту, дѣйствительно, во всей красѣ предстала предъ нами св. обитель, облитая лучами яркаго солнца. Когда мы вернулись въ монастырь, то на пристани было большое оживленіе: уѣзжали Владыки, и отходилъ въ Петербургъ съ массою богомольцевъ монастырскій пароходъ „Валаамъ", на которомъ мы пріѣхали. На немъ уѣзжала большая часть и нашей компаніи, съ которой мы за три дня все время вмѣстѣ всюду путешествовали, пили чай и проводили время. Мнѣ хотѣлось еще побыть на Валаамѣ и по возможности все осмотрѣть. Осталось еще много скитовъ, въ которыхъ мы не были; я не былъ ни въ одной мастерской, не осмотрѣлъ настоящимъ образомъ даже самого монастыря и его ближайшихъ окрестностей, и я рѣшилъ остаться еще на три дня до слѣдующаго парохода.

Въ этотъ вечеръ я въ первый разъ въ жизни присутствовалъ на вечернемъ монашескомъ правилѣ. Послѣ вечерней трапезы вся братія направилась въ храмъ, и я послѣдовалъ за ними. Послѣ обычнаго возгласа чередного іеромонаха, чтецъ прочелъ трисвятое, 50-й псаломъ и Символъ вѣры и затѣмъ 50 разъ произнесъ молитву; „Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ", съ столькими же поясными поклонами. Послѣ этого слѣдовали три земныхъ поклона при троекратномъ произношеніи „аллилуіа" и трижды опять повторена была Іисусова молитва, но нѣсколько измѣненная: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго". И вдругъ наступила полная тишина, гробовое молчаніе, длившееся минуты 4—5. Въ это время, какъ я послѣ узналъ, каждый предстоящій въ храмѣ про себя 50 разъ умственно повторяетъ молитву Іисусову. По окончаніи этой молитвы чтецъ началъ тройное аллилуіа съ земными поклонами, по исполненіи которыхъ опять слѣдовали 50 поясныхъ поклоновъ съ молитвой Іисусовой. За симъ трижды „аллилуіа" и три земныхъ поклона;

5 разъ „Богородице Дѣво, радуйся“ и „Достойно есть“ также съ земными поклонами. Закончилось правило чтеніемъ покаянныхъ тропарей молитвъ „иже на всякое время“ и „Нескверная, неблазная“, чтеніемъ помянника и молитвъ на сонъ грядущимъ. По окончаніи всѣхъ этихъ молитвъ игуменъ обращаясь къ присутствующимъ, испрашивалъ прощенія въ своихъ согрѣшеніяхъ, совершенныхъ въ истекшій день. Послѣ чего всѣ по старшинству подходили къ нему принять благословеніе. Тѣмъ и закончилось это вечернее монашеское правило, произвeдшее на меня сильное впечатлѣніе. Братія безмолвно разошлась по келіямъ на ночной отдыхъ, а богомольцы въ гостиницу. По Валаамскому монастырскому уставу (смотр. 9 главу) воспрещается братіи „по повечеріи бесѣдовать другъ съ дугомъ и посѣщать другъ друга, но съ молчаніемъ спѣшить въ свои келіи, упражняться предъ сномъ въ молитвѣ и чтеніи, чтобы бодрѣе и внимательнѣе быть при наступающей утрени“. Позднѣе 9 часовъ даже не долженъ горѣть свѣтъ въ кельяхъ братскихъ, за чѣмъ слѣдитъ благочинный монастыря. Гостиница же закрывается въ 10 часовъ, и поэтому богомольцамъ гулять разрѣшается только до этого часа. Такое распоряженіе, безъ сомнѣнія, вызвано тѣмъ, что утреня на Валаамѣ совершается ровно въ 3 час. утра, а когда бываетъ поліелей, то въ $2^1/_2$ час. Присутствованіе за утреней, въ особенности въ зимнее время, по окончаніи всякихъ работъ: въ полѣ, въ лѣсу, на огородахъ, въ садахъ и т. п., вмѣняется въ непремѣнную обязанность всѣмъ. Непосѣщающіе же утрени подвергаются взысканіямъ, напр.: лишаются чаю[11]), ставятся на поклоны и т. п. Богомольцевъ тоже будятъ къ утрени. За полчаса до звона привратникъ обходитъ съ громаднымъ звонкомъ по всѣмъ корридорамъ и громко звонитъ. Тяжелые шаги его гулко раздаются по каменнымъ плитамъ пустынныхъ громадныхъ корридоровъ и доносятся до уха какія-то слова, которыя онъ на самыхъ низскихъ басовыхъ нотахъ безпрерывно повторяетъ. Въ первые дни становилось прямо жутко, когда раздавался этотъ пронзительный звонъ колокольчика, когда слышались эти тяжелые шаги и какія-то

---

[11]) Чай выдается ежемѣсячно каждому: іеромонаху $^1/_2$ ф. чаю и 2 ф. сахаху, іеродіакону $^3/_8$ ф. чаю и $1^1/_2$ ф. сахару, послушникамъ $^1/_4$ ф. чаю и 1 ф. сахару.

непонятныя таинственныя слова. Только на третью ночь удалось мнѣ разобрать эти слова: „пѣнію время, молитвѣ часъ. Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ". Утреня продолжается обычно часа 3. Непосредственно за нею совершается ранняя литургія.

Въ понедѣльникъ утромъ предъ поздней обѣдней я побывалъ въ монастырской больницѣ, находящейся въ самомъ монастырѣ. Больницей завѣдуетъ очень свѣдущій и опытный въ медицинѣ, какъ говорятъ, и всѣми любимый за кроткій и привѣтливый нравъ среднихъ лѣтъ монахъ изъ фельдшеровъ. Изъ больничной аптеки отпускаются безплатно лекарства и всѣмъ богомольцамъ. Зайдя туда я встрѣтилъ тамъ большую толпу больныхъ, преимущественно изъ богомольцевъ. Зашелъ и въ больничную палату, въ которой находилось человѣкъ шесть больныхъ. Послѣдніе были очень рады моему приходу и относились ко мнѣ очень привѣтливо и ласково. Мнѣ бросились здѣсь въ глаза двѣ картины, которыя весьма подходили къ больничному помѣщенію: на одной изображено исцѣленіе Господомъ Іисусомъ Христомъ 10 прокаженныхъ, а на другой исцѣленіе разслабленнаго при Овчей купели. Въ настоящее время къ этому зданію дѣлается пристройка, въ которой предположено устроить больничную церковь для того, чтобъ больные могли помолиться за богослуженіемъ. Кто можетъ, тѣ, конечно, будутъ находиться въ самой церкви, а кто не въ состояніи придти, тѣ будутъ слушать богослуженіе хоть издали. Все же и это можетъ доставить имъ нѣкоторое духовное утѣшеніе.

Изъ больницы я прошелъ въ монастырскую библіотеку. Она помѣщается въ двухъ отдѣленіяхъ: въ первомъ находятся книги, постоянно выдаваемыя братіи, а второе громадное помѣщеніе занято собственно фундаментальной библіотекой. Завѣдующій библіотекой мнѣ любезно показалъ все, останавливая мое вниманіе на книгахъ и рукописяхъ наиболѣе замѣчательныхъ. Имѣется всего до 14000 томовъ. Есть книги и рукописи довольно рѣдкія и древнія. Особенно богатъ отдѣлъ святоотеческой литературы. Библіотека содержится въ порядкѣ, въ который она приведена, какъ сообщилъ мнѣ проводникъ мой, монахомъ Василіемъ (изъ окончившихъ курсъ въ горномъ институтѣ), который и при мнѣ находился здѣсь за какой-то работой. Кромѣ книгъ духовнаго содержанія есть историческія,

медицинскія, по естественнымъ наукамъ, даже я видѣлъ нашихъ русскихъ классиковъ: Пушкина, Тургенева, Гоголя и т. п. Въ особыхъ витринахъ хранятся нѣкоторыя рѣдкія вещицы: стаканы и чашки, изъ которыхъ кушали чай Государи и Государыни въ бытность свою на Валаамѣ, гипсовый слѣпокъ съ руки Императора Александра II-го; восковыя свѣчи, найденныя на Финляндскомъ берегу послѣ двухсотлѣтняго пребыванія въ землѣ и т. п. Стѣны библіотеки изукрашены разными картинами и гравюрами духовнаго и религіознаго содержанія и портретами настоятелей обители. На окнахъ бюсты— царственныхъ особъ. Изъ библіотеки я прошолъ въ церковь, гдѣ шла уже поздняя литургія. Служилъ чередной іеромонахъ. Пѣли на два хора. Вмѣсто запричастнаго одинъ изъ пѣвчихъ, рясофорный послушникъ, прочиталъ по книжкѣ поученіе. Какъ я потомъ узналъ, у нихъ это дѣлается каждый день. Въ понедѣльникъ на Валаамѣ—постъ (въ честь безплотныхъ силъ небесныхъ), а потому въ трапезѣ были постныя кушанія: холодное, щи со снятками, супъ съ вермишелью и пшенная каша. Рыба была по случаю поліелея. Вообще-же, въ постные дни рыбы не полагается. Послѣ обѣда я съ дѣтьми и послушникомъ—гостинникомъ направились на лодочкѣ въ Предтеченскій скитъ, самый строгій по образу жизни своихъ насельниковъ, отстоящій отъ монастыря въ 5 верстахъ. Было довольно вѣтренно, когда мы выѣхали; но скоро вѣтеръ стихъ и ѣхать было очень хорошо. Не доѣзжая до скита, мы увидали громадное зданіе монастырской молочной фермы, гдѣ имѣется до 70 коровъ, и гдѣ устроены всевозможныя приспособленія для доставки корма скоту (проложены рельсы, по которымъ двигаются маленькія вагоньчики съ пищей) и для храненія молочныхъ продуктовъ; тутъ же находится рыборазводный заводъ, который изъ икры производитъ и выпускаетъ ежегодно сотни тысячъ маленькихъ рыбокъ въ монастырскіе заливы. Издали любовались на монастырскія рыбныя тони, гдѣ нѣсколько рыбаковъ изъ сѣтей выбирали рыбу въ корзины, а маленькій пароходикъ „Николай“, пріѣхавшій за рыбой, стоялъ въ ожиданіи у берега. Наконецъ, подъѣхали и къ Предтеченскому скиту. Поднявшись по высокой лѣстницѣ на вершину горы, мы встрѣтили хозяина скита—монаха о. И. Онъ любезно показалъ намъ храмъ и всѣ достопримѣчательности острова.

Мнѣ въ высшей степени понравился этотъ монахъ; какой у него свѣтлый и трезвый на все взглядъ, хотя онъ изъ простыхъ, неученыхъ людей. Въ этомъ скиту кругомъ годъ постная и при томъ растительная пища. Рыбы никогда не бываетъ. Кромѣ того, въ постные дни и масла не полагается. Когда я выразилъ свое удивленіе по поводу такой суровой пищи, то на это о. И. скромно замѣтилъ: „только такъ кажется, что пища у насъ суровая, но этого нѣтъ въ дѣйствительности". И на вопросъ о кушаньяхъ, которыя составляютъ обычную пищу насельниковъ Предтеченскаго острова, онъ отвѣчалъ: „на первое блюдо мы подаемъ картофель и соленые огурчики или же грибы, которыхъ здѣсь растетъ довольно много; второе блюдо—у насъ щи съ кислой капустой и третье каша или супъ съ грибами. Видите, сколько у насъ кушаній". Но эта защита меня неудовлетворила, и я чувствовалъ, что отъ такой пищи скоро бы протянулъ ноги. Даже въ Пасху не полагается ничего молочнаго.

Рядомъ съ двухъэтажнымъ храмомъ находится могилка въ прошломъ году скончавшагося схимника о. Никиты, который отличался высокимъ образомъ жизни и пользовался глубокимъ уваженіемъ. Меня очень заинтересовали стихи, которыя помѣщены въ деревянной рамкѣ, прикрѣпленной къ могильному кресту. Я списалъ нѣсколько строфъ этого стихотворенія, написаннаго неизвѣстнымъ Валаамскимъ инокомъ—поэтомъ:

Старинный храмъ въ лѣсу дремучемъ,
Могильный холмъ у алтаря,
Здѣсь прахъ того, кто былъ могучимъ
Подвижникомъ Христа Царя.
Никита—значитъ „побѣдитель",
Ты имя оправдалъ свое.....
Тобою хвалится обитель,
Зоветъ: „сокровище мое"...
Пятнадцать лѣтъ въ скиту Предтечи
Въ молитвѣ старецъ съ Богомъ жилъ,
Изъ устъ его струились рѣчи,
Ихъ смысломъ каждый дорожилъ...

Схимникъ о. Никита скончался въ великую субботу 21-го апрѣля 1907 г. на 75 г. своей жизни, изъ коихъ 33 года провелъ въ Валаамской обители. Онъ былъ послѣднимъ изъ сонма великихъ Валаамскихъ старцевъ, такъ глубоко чтимыхъ русскимъ православнымъ народомъ. Въ настоящее время на Предтеченскомъ островѣ живетъ 4 схимника; изъ нихъ особенно выдѣляется, какъ я слышалъ, о. Піоній, какъ своею высокою жизнью и своимъ смиреніемъ, такъ и своимъ искусствомъ читать и пѣть. Мнѣ передавали, что это прямо рѣдкій пѣвецъ и чтецъ. При этомъ онъ обладаетъ очень пріятнымъ голосомъ. На Предтеченскомъ островѣ избушки посельниковъ находятся въ разныхъ концахъ островка и въ почтительномъ разстояніи одна отъ другой. Живутъ всѣ (13 чел.) по одиночкѣ. Тихо на этомъ островѣ; рѣдко и богомольцы заглядываютъ сюда, да и то только въ лѣтнее время; женскій полъ не допускается совсѣмъ. Ничто не нарушаетъ молитвеннаго настроенія здѣшнихъ подвижниковъ и ничто не препятствуетъ имъ предаваться молитвѣ, трудамъ и подвигамъ. Хозяинъ, показавъ все, пригласилъ насъ къ себѣ въ келію и угостилъ хлѣбомъ съ лукомъ и чаемъ. Подѣлился съ нами и своею радостью, что наканунѣ у него былъ владыка архіепископъ Сергій и кушалъ чай. Изъ бесѣды съ этимъ инокомъ я вынесъ самое свѣтлое впечатлѣніе. Онъ проводилъ насъ до лодки, и мы разстались съ нимъ, напутствуемые его благожеланіями.

Въ заливѣ было совершенно тихо и поверхность воды была, какъ зеркальная. Какъ хорошо, какіе чудные всюду виды! Не хотѣлось отрываться отъ этой прелестной панорамы. На обратномъ пути мы заѣхали въ Коневскій скитъ. На этомъ островѣ находится нѣсколько озеръ и въ нихъ такая масса рыбы, что мы были прямо поражены. Весело было смотрѣть, какъ маленькія и большія рыбы ловили крошки булки и хлѣба, которыя мы имъ бросали съ деревяннаго мостика. На берегу одного изъ этихъ (островов) озерокъ смиренно ютится деревянный домикъ, гдѣ жилъ и подвизался до своего настоятельства знаменитый Валаамскій игуменъ Дамаскинъ. Мы зашли въ его келейку. Въ ней четыре маленькіе комнатки: одна, въ которой онъ занимался рукодѣліемъ; другая поменьше, въ ней подвижникъ писалъ книги; въ третьей, еще меньшей, отшельникъ молился; въ четвертой стоитъ деревянный некрашенный гробъ, въ

который, онъ для памяти смертной, ложился въ ночное время для сна. Изъ этой маленькой келіи онъ выступилъ съ силою духовною на служеніе настоятельства св. Валаамской обители и такъ много сдѣлалъ для ея процвѣтанія, какъ въ духовномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ.

Почти радомъ съ Коневскимъ скитомъ находится скитъ Смоленскій, гдѣ даже нѣтъ церкви, а лишь только часовня. Заѣхали и сюда, на „Бобылекъ", какъ обычно зовется этотъ островокъ.

Утомленные отъ непривычной ѣзды, во время которой приходилось самимъ и грести, мы вернулись въ гостиницу на отдыхъ и въ этотъ вечеръ никуда не ходили осматривать. Слѣдующій день былъ посвященъ обозрѣнію ближайшихъ окрестностей и мастерскихъ. Прежде всего мы направились въ пустыньку игумена Назарія, которая находится въ разстояніи одной версты отъ монастыря по направленію на востокъ. Дорога очень живописна и по краямъ обсажена пихтою. Незамѣтно мы очутились у самой пустыньки. Предъ нами какъ бы выросъ бѣленькій домикъ, который, собственно, и называется „Пустынькой игумена Назарія", а рядомъ съ нимъ — очень красивая византійской архитектуры однокупольная съ венеціанскими окнами небольшая церковка. Какъ снаружи, такъ и внутри, она очень художественна и изящна. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ церкви воздвигнута арка, надъ которой высится колокольня. У церкви близъ алтаря могила игумена Дамаскина съ чернымъ гранитнымъ высокимъ крестомъ, а рядомъ съ нею могилки и другихъ Валаамскихъ игуменовъ: Іонафана и Пафнутія, такъ быстро смѣнившихъ одинъ другого. Выйдя изъ арки, мы очутились на новомъ братскомъ кладбищѣ, гдѣ симметрично расположены могилки иноковъ. Надъ каждою или крестъ, или продолговатый камешекъ съ надписью. Зашли на колодчикъ, который тутъ же пріютился подъ горкой и по аллейкѣ дошли до келейки схимонаха Николая, въ которой посѣтилъ подвижника въ бытность свою на Валаамѣ Императоръ Александръ Благословенный. Келейка эта очень ветха, она находится подъ деревяннымъ же навѣсомъ. Грустно и тяжело было видѣть разныя надписи на стѣнахъ этой избушки и даже на крышѣ высокаго навѣса. Меня удивляетъ, что руководитъ людьми, когда они своими надписями, часто очень неприличными, пач-

каютъ и портятъ стѣны зданій, очень дорогихъ по своимъ воспоминаніямъ. Монахъ, продающій въ церкви свѣчи и образки, оказался главнымъ монастырскимъ садовникомъ и обратилъ вниманіе наше на раскинутый подъ горкою питомникъ разныхъ фруктовыхъ и хвойныхъ деревьевъ: лиственницы, кедра, пихты. Изъ этого питомника берутся молодыя деревца въ монастырь и во всѣ скиты. Онъ раскинулся на громадное пространство. На обратномъ пути намъ попадались группы богомольцевъ, съ многими изъ которыхъ мы уже успѣли познакомиться. Вотъ, идетъ на встрѣчу о. Архимандритъ Макарьевскаго на Унжѣ монастыря, Костромской епархіи. Мы принимали его и въ началѣ, по пріѣздѣ на Валаамъ, за сельскаго старичка-священника, такъ какъ у него была одѣта сѣренькая ряса и бѣлая соломенная шляпа. Старичекъ въ восторгѣ отъ Валаама. „Эка благодать-то здѣсь, прямо не ушелъ бы отсюда“, говоритъ онъ намъ и быстро шагаетъ дальше. Вотъ Петербургскій сапожникъ изъ членовъ общества трезвости вступаетъ въ разговоръ со мною; оказывается онъ не пилъ лѣтъ 5; всѣ сроки выдержалъ; а вотъ послѣдняго не могъ сдержать: разрѣшилъ на Пасхѣ. Сюда въ монастырь пріѣхалъ поговѣть, раскаяться въ своемъ грѣхѣ и здѣсь провести свои именины (29-го іюня), чтобы избѣжать соблазна. Ему тоже очень нравится на Валаамѣ. Онъ здѣсь уже былъ много разъ.

Теперь мы направились на смолевой и скипидарный заводъ, который находится въ верстѣ отъ монастыря съ другой его стороны. Хозяинъ завода намъ объяснилъ устройство завода и способъ добыванія смолы и скипидару; фунтъ очищеннаго скипидара здѣсь продается по 11 к. Въ годъ продается до 300 п. скипидара и 1200 п. смолы. Заводъ при насъ не работалъ. Почти рядомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія, находится кожевенный заводъ, гдѣ вырабатываются овчины для полушубковъ и кожи. И этотъ заводъ не работалъ, но монахъ хозяинъ охотно все намъ показалъ и объяснилъ несложное устройство своего завода. Выйдя на берегъ залива, мы были заинтересованы обиліемъ наложеннаго здѣсь цѣлыми горами кусковъ мрамора. Оказалось, что тутъ же находится громадная печь для обжиганія извести изъ мрамора. Известь, получаемая изъ мрамора, отличается необыкновенной крѣпостію и бѣлизною. Когда мы осматривали громадную печь, въ которой помѣ-

щается до 14 тысячъ пудовъ мрамора, къ намъ подошелъ главный мастеръ или хозяинъ, монахъ о. Евграфъ, благодушнѣйшій человѣкъ. Объяснивъ все устройство, онъ предложилъ моимъ мальчикамъ покупаться вмѣстѣ съ нимъ, и въ одну минуту сбѣгалъ въ свою избушку за чистымъ полотенцемъ и мыломъ для купанья. Какое тамъ привольное купанье; не то, что здѣсь у насъ въ городѣ. Онъ ежедневно купается до глубокой осени. Мѣстечко не глубокое. Вообще-же, на Валаамѣ купаться небезопасно, такъ какъ тамъ масса глубокихъ ямъ. Послѣ купанья онъ ни за что не соглашался отпустить насъ безъ чаю. Видя такое радушіе, мы не могли отказаться отъ угощенія. Въ нѣсколько минутъ онъ устроилъ въ лѣсу столъ для чаепитія, принесъ вскипѣвшій самоваръ, хлѣба, баранокъ, сварилъ яицъ, даже лимонъ оказался у него, такъ какъ онъ только что пріѣхалъ изъ Финляндіи, откуда пригналъ лѣсъ: и вотъ у него оказались и яички [12]), и лимонъ и баранки. Мнѣ ужасно понравилась необыкновенная простота вѣры въ этомъ монахѣ; его особенная какая-то доходящая до обожанія любовь къ Валааму, въ силу которой выходило, что лучше, милѣе Валаама ничего нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ; а непосредственность натуры и веселость характера невольно располагали къ этому добродушному и замѣчательно привѣтливому человѣку. „Вотъ скоро начнется у насъ сѣнокосъ, всѣ отправимся на покосъ“, весело говорилъ о. Евграфъ во время чаепитія,—„всякія работы въ мастерскихъ остановятся, даже пѣвчіе и тѣ пойдутъ. Какъ посмотришь на лугъ-то, народу-то видимо, невидимо, инда подумаешь, никакъ со всего свѣта согнали къ намъ народъ; и всѣ въ бѣлыхъ балахонахъ. Даже смѣшно станетъ. А если бы вы знали, сколько граблей-то привезутъ, то, пожалуй, сказали бы, никакъ тоже со всего свѣта собрали грабли“. Такъ безъискусственно и просто говорилъ о. Евграфъ, описывая свой сѣнокосъ, который, видимо, ему очень нравился. „У насъ всегда хорошо, и лѣтомъ и зимой“, продолжалъ о. Евграфъ. „Зимой къ службѣ ходимъ. Къ полунощницѣ обязательно всѣ приходимъ, а тамъ, какъ „Богъ Господь“ запоютъ, мы рабочіе разные, благословимся у о. игумена и идемъ каждый на свое дѣло.

[12]) Яицъ на Валаамѣ нѣтъ, такъ какъ куръ не держатъ. Къ Пасхѣ привозятъ изъ Петербурга нѣсколько тысячъ.

Лѣтомъ не до службы нашему брату—рабочему человѣку, а вотъ какъ управимся съ работами, о. игуменъ и скажетъ въ трапезной: „такъ и такъ, отцы и братіе, теперь надо ходить въ храмъ Божій исправно". Ну, и станемъ ходить. А кто проспитъ, того на поклоны. Да, лучше нашего монастыря нигдѣ нѣтъ. Я живу вотъ 22-й годъ. Врагъ одинъ разъ сталъ меня искушать: „уйди, да уйди. Чего ты здѣсь живешь"? сталъ мнѣ это внушать. И вотъ разъ забылся такъ минутъ на семь и вижу покойнаго нашего игумена о. Пафнутія, который посмотрѣлъ на меня таково строго да и говоритъ: „ты, смотри Евграфушка, отсюда никуда не уходи".—А мнѣ очень ужъ радостно стало, что я увидѣлъ покойнаго батюшку, и спрашиваю его; „хорошо ли тебѣ, батюшка"? А онъ и отвѣчаетъ мнѣ: „очень хорошо. Вотъ вы въ церкви насъ не видите, а мы такъ васъ всѣхъ видимъ".—Сказалъ это и скрылся. И я проснулся. Да это, собственно, и не сонъ былъ, а прямо такое видѣніе. Ну, съ тѣхъ поръ ужъ я и изъ головы выбросилъ всякую думу, чтобы отсюда уйти"... Такъ разсказывалъ про себя этотъ простецъ-инокъ, и мнѣ ужасно нравилась эта простая дѣтская вѣра, которой не коснулся еще разрушительный анализъ сомнѣнія. И думалось мнѣ, какъ легко жить этому человѣку съ такою простою вѣрою, съ такимъ взглядомъ на свой трудъ, на свое назначеніе. Просто протечетъ вся его жизнь, просто онъ и умретъ; умретъ съ твердой надеждой, что Господь зачтетъ ему въ заслугу его труды по обжиганію извести, секретъ котораго онъ, послѣ долгихъ просьбъ, узналъ отъ чухонца, который до него занимался здѣсь этимъ дѣломъ, и которому монастырь платилъ по 100 руб, съ каждой печи. И припомнилось мнѣ слѣдующая Буддійская легенда, слышанная мною отъ г. Л. К. А—ва. Жила съ маленькой дѣвочкой одна вдова, снискивая себѣ пропитаніе тяжелымъ поденнымъ трудомъ. Разъ она опасно заболѣла и, чувствуя приближеніе смерти, подозвала къ себѣ свою дочь и сказала ей: „милая моя дѣвочка, я чувствую, что мнѣ не поправиться. Когда меня не будетъ, то ты на днѣ моего сундучка найдешь одну вещицу. И вотъ, когда тебѣ станетъ грустно или случится съ тобой какое-нибудь горе, ты приходи къ этому сундучку и бери въ руки эту вещицу и смотри на нее, и ты въ ней увидишь свою маму такою же молодой, такою же красивой, какъ и ты сама. И

знай, моя дорогая дѣвочка, что я всегда буду радоваться твоею радостью и плакать твоимъ горемъ".—Умерла бѣдная женщина, оставивъ круглою сиротою свою маленькую дѣвочку. Помня слова и обѣщанія своей матери, дѣвочка дѣлала такъ, какъ ей предъ смертью завѣщала ея умирающая мать. Подойдетъ къ материнскому сундучку, достанетъ оттуда завѣтную вещицу, смотритъ на нее, и въ ней видитъ лицо своей покойной матери, когда послѣдняя была такою-же маленькою, какъ и она сама, и разговариваетъ съ ней. Такъ текли дни, мѣсяцы, годы. Дѣвочка стала уже большой дѣвушкой; но не переставала бесѣдовать съ своей матерью, глядя на ея вещицу. Однажды пришелъ въ хижину этой дѣвушки монахъ и попросилъ у нея позволенія нѣсколько отдохнуть. Дѣвушка охотно приняла гостя и угостила его чѣмъ Богъ послалъ. И вотъ, когда послѣдній послѣ обѣда отдыхалъ, то былъ крайне пораженъ, услышавъ въ сосѣдней комнатѣ разговоръ своей молодой хозяйки съ кѣмъ-то, такъ какъ слышалъ отъ нея-же самой, что она живетъ совершенно одна. Но его удивленію не было границъ, когда, зайдя въ ея комнату, увидѣлъ, что дѣвушка говоритъ сама съ собою и смотрится въ маленькое зеркальце.—„Съ кѣмъ ты это говоришь"? спросилъ у ней монахъ.— „Какъ съ кѣмъ,—я говорю со своей покойной мамой, которая вотъ отсюда смотритъ на меня, улыбается мнѣ", отвѣчала дѣвушка.—„Ахъ ты, глупая, глупая дѣвушка! неужели ты не знаешь, что это зеркало. Вотъ смотри, ты сейчасъ увидишь въ немъ и мое лицо", сказалъ ей жестокій монахъ.—Поблѣднѣла дѣвушка, выронила зеркальце изъ рукъ и горько и безутѣшно зарыдала. А монахъ?—Онъ ушелъ въ глубокой думѣ... На этомъ и оканчивается легенда; но какъ много въ ней глубокаго смысла! Какъ она правдиво и вѣрно изображаетъ состояніе человѣческой души, у которой отнимается дѣтская, простая вѣра, и взамѣнъ которой ничего не дается... Какой мракъ наступаетъ тамъ, какъ тяжело человѣку становится жить! А вѣдь это теперь и видимъ мы на каждомъ шагу... Разбиваются народныя вѣрованія и идеалы, высмѣиваются старые кумиры и вытравливается изъ юныхъ дѣтскихъ сердецъ религіозная вѣра... При прощаньи о. Евграфъ взялъ съ насъ слово, что на другой день мы непремѣнно къ нему придемъ въ 2 часа купаться, и онъ обѣщалъ насъ свести въ другое

мѣсто, гдѣ купанье еще лучше этого; къ сожалѣнію, только намъ не пришлось этого сдѣлать, потому что на другой день была довольно прохладная и вѣтренная погода.

На обратномъ пути мы занялись обозрѣніемъ мастерскихъ: рѣзной, позолотной, шлифовальной (шлифуются гранитные и мраморные кресты, памятники, плиты и т. п.), плотницкой столярной, слесарной, кузнечной. Послѣднія четыре мастерскія находятся въ зданіи водопровода, паровая машина котораго поднимая воду и снабжая ею всѣ монастырскія зданія, сады и огороды, въ то же время въ особыхъ отдѣленіяхъ и посредствомъ особыхъ проводовъ пилитъ лѣсъ, мелетъ муку, приводитъ въ движеніе токарные станки, на которыхъ выдѣлываются разныя металлическія и деревянныя вещи. Въ этомъ же зданіи помѣщаются прачешная и баня. Во всѣхъ этихъ мастерскихъ производились работы; среди мастеровъ есть лица постороннія монастырю,—это пришедшія сюда съ цѣлью потрудиться для св. обители. Вездѣ мы встѣчали ласковое, привѣтливое къ себѣ отношеніе. Мастера любезно намъ все показывали и объясняли, а дѣтямъ въ каждой почти мастерской спѣшили дать что нибудь на память: кусочекъ мрамора, гранита, кипариса и т. п. Вообще, я долженъ съ удовольствіемъ отмѣтить симпатичную черту Валаамскихъ монаховъ—это ихъ привѣтливость.

Въ кузницѣ мы поражены были величиной нѣкоторыхъ лошадиныхъ подковъ: до того онѣ были велики, что трудно даже представить такую громадную лошадь, для которой такія подковы предназначались. Затѣмъ зашли въ сапожную мастерскую, гдѣ человѣкъ до 30 молодыхъ и старыхъ сапожниковъ были заняты починкою и шитьемъ новыхъ сапогъ. Въ этой мастерской нерѣдко бѣднымъ богомольцамъ подбиваются подошвы (конечно даромъ), а инымъ даютъ и цѣлые сапоги. Кажется это одна изъ самыхъ мрачныхъ и душныхъ мастерскихъ. Побывать въ портняжной не удалось, такъ какъ въ то время, когда мы подошли, всѣ отправились пить чай (съ 3—4 час. дня), а потомъ такъ и не собрались ее обозрѣть; это тоже весьма большая мастерская.—За то побывали въ просфорной, которая содержится въ образцовой чистотѣ. Здѣсь кромѣ просфоръ, пекутся особенныя такія продолговатыя булочки для продажи богомольцамъ. Наконецъ, въ тотъ же ве-

черъ нами были осмотрѣны: свѣчной заводъ, фотографія и иконописная мастерская. Свѣчной заводъ ютится въ двухъ небольшихъ комнатахъ. Рабочихъ только двое: они сами дѣлаютъ и свѣчи, и золотятъ, и завертываютъ ихъ въ пачки. Въ годъ они выдѣлываютъ 350 п., изъ коихъ 80 п. для своей обители, а остальное количество идетъ на всю Финляндскую Епархію. При этомъ нужно имѣть въ виду, что эти рабочіе на свѣчномъ заводѣ несутъ и другія монастырскія послушанія, напр. ходятъ на сѣнокосъ, помогаютъ при уборкѣ огородныхъ овощей и т. п. Насъ здѣсь поразила замѣчательная простота въ постановкѣ этой отрасли монастырской промышленности, отъ которой такъ далеко уклонился нашъ Епархіальный свѣчной заводъ съ цѣлымъ штатомъ смотрителей и ревизоровъ, стоющихъ епархіи большихъ денегъ.

Фотографія на Валаамѣ работаетъ очень хорошо. Продается масса видовъ Валаама. Кромѣ того, многіе и изъ богомольцевъ снимаются. Въ настоящее время она находится во временномъ, очень неудобномъ помѣщеніи. Въ строющемся новомъ корпусѣ будетъ отведено для нея приличное и болѣе просторное помѣщеніе.

Рядомъ съ фотографіей находится и иконописная. Человѣкъ 8—10 молодыхъ послушниковъ-художниковъ сидѣли за работой, копируя лики святыхъ съ разныхъ рѣдкихъ оригиналовъ. Тишина здѣсь полная: всѣ погружены въ свою работу. Только воздухъ здѣсь отъ краски очень тяжелый, такъ такъ ни форточекъ, ни оконъ не открываютъ, даже и не выставлены зимнія рамы. Не мудрено послѣ этого, что у всѣхъ иконописцевъ такія блѣдныя лица. Этой мастерской мы и закончили свои обозрѣнія, употребивъ на это почти цѣлый день.

Говоря о мастерскихъ, нельзя не коснуться, нельзя пройти молчаніемъ и тѣхъ критичеекихъ отзывовъ, которые встрѣчаются въ свѣтской печати. Такъ въ журналѣ: „Современный міръ" за 1907 годъ въ сентябр. книжкѣ есть небольшой, но крайне тенденціозный очеркъ подъ заглавіемъ: „Душеспасительное хозяйство" (Валаамская трудовая община) М. Новорусскаго, въ которомъ содержится рѣзкая и весьма пристрастная критика всего монастырскаго хозяйства, „система котораго", по выраженію названнаго автора, „еще не вышла изъ пеленокъ и дышитъ глубокимъ архаизмомъ". Г. Новорусскій ставитъ въ упрекъ монастырю и самую многообъемлемость мо-

настырскихъ предпріятій, и отсутствіе одного или нѣсколькихъ, но только крупныхъ, наиболѣе выгодныхъ промысловъ, и недостатокъ машинъ, вслѣдствіи чего во многихъ мастерскихъ и заводахъ приходится обходиться безъ механическихъ помощниковъ, силою собственныхъ мускуловъ (напр. при шлифовкѣ камней), и узкость взглядовъ игумена и монаховъ, такъ какъ громадное большинство ихъ изъ крестьянъ, и, наконецъ, то, что здѣсь все зависитъ будто бы отъ личности игумена, „такъ какъ безъ его благословенія нельзя даже куста крыжевника пересадить съ мѣста на мѣсто, и, если игуменъ изъ рядовыхъ крестьянъ и живетъ на Валаамѣ уже лѣтъ 50, то ни о какомъ прогрессѣ во все его царствованіе и думать нельзя“. Видимо, г. Новорусскому думалось встрѣтить на Валаамѣ не тихую св. обитель, гдѣ люди сошлись для спасенія своихъ душъ, а трудовую общину, устроенную на соціалъ-демократическихъ началахъ, какъ она рисуется разстроенному воображенію нашихъ соціалъ-демократовъ; и Валаамскіе острова покрыть рядомъ фабричныхъ и заводскихъ трубъ, которыя бы своимъ свисткомъ заглушали звонъ церковныхъ колоколовъ, и развить здѣсь самую широкую торговлю разными издѣліями и предметами монастырскаго производства. Въ особенности же ненавистно г. Новорусскому то, что на Валаамѣ все дѣлается съ благословенія игумена. Видимо, идея послушанія, на которой зиждется монашество, непонятна и недоступна соціалъ-демократамъ. Не потому-ли то ихъ общины такъ скоро и разваливаются, такъ какъ всякій членъ ея дѣлаетъ, что ему хочется и что ему вздумается. Не дай Богъ видѣть Валаамскую обитель реформированную по рецептамъ гг. Новорусскихъ. Тогда это будетъ не тихая обитель, въ которую люди ѣдутъ отдохнуть душой и тѣломъ отъ шума, суеты и сутолоки житейскихъ, насладиться дивнымъ пѣніемъ и истовымъ совершеніемъ богослуженія, встрѣтить иноковъ высокой духовной силы, а обратится въ обычный заводскій или фабричный поселокъ, обитатели котораго съ головой уйдутъ въ свои выгодныя фабричныя и коммерческія предпріятія, куплю и продажу, а о духовныхъ подвигахъ, пожалуй, совсѣмъ и забудутъ. Вѣдь, нельзя одновременно и при томъ одинаково служить Богу и мамонѣ. Не такъ давно было, когда Валаамъ былъ прямо охваченъ строительною горячкою. Результатомъ этого, естественно,

былъ упадокъ духовной жизни. Валаамскіе старцы прямо плакали и говорили, что они „не узнаютъ своего Валаама“.—Но, слава Богу, все это скоро прошло, и Валаамъ опять вступилъ на прежній свой путь, которымъ шли и спасались сотни, даже тысячи великихъ подвижниковъ Валаамскихъ. Пусть это кажется г. Новорусскому отсталостью и застоемъ, которые будто бы убиваютъ всякую энергію и останавливаютъ прогрессъ. Вѣдь, кромѣ внѣшняго прогресса, есть еще прогрессъ внутренній, духовный, о которомъ онъ совсѣмъ умалчиваетъ, а это гораздо будетъ поважнѣе. Раскритиковавъ все монастырское хозяйство, и промышленность и счетоводство, г. Новорусскій также отзывается и о монастырской школѣ [13]), которая на Валаамѣ будто бы вполнѣ соотвѣтствуетъ архаическому складу хозяйства и такого же типа, какою еще была во дни Владиміра Мономаха, и прибѣгаетъ даже къ низкой клеветѣ, что будто бы монахи, содержащіе буфетъ на пароходѣ, „тайно торгуютъ мясными блюдами и крѣпкими напитками“. Тайной торговли я не видѣлъ, а видѣлъ, что въ каютахъ второго и перваго классовъ вывѣшены на стѣнахъ меню кушаньевъ рыбныхъ и мясныхъ, имѣющихся въ пароходномъ буфетѣ; и мнѣ кажется, что въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго, такъ какъ, вѣдь, они не сами кушаютъ мясныя блюда, а ѣдущіе на ихъ пароходахъ пассажиры среди которыхъ есть не мало, по словамъ самого же г. Новорусскаго и туристовъ. Мнѣ извѣстно также, что и поваръ на „Валаамѣ“ не изъ послушниковъ, а вольный человѣкъ, живущій по найму, равно какъ почти и вся пароходная команда и прислуга. Даже капитанъ парохода финнъ. Наконецъ, обвиненіе Валаамскихъ монаховъ въ тайной торговлѣ на пароходѣ спиртными напитками является для меня прямо возмутительнымъ. Мнѣ особенно что и понравилось на Валаамѣ, такъ это обсолютная трезвость, какъ среди иноковъ, такъ и богомольцевъ. Словъ нѣтъ, было нѣсколько выпившихъ человѣкъ среди богомольцевъ, когда мы выѣхали изъ Петербурга, но скоро они вытрезвелись, и больше въ теченіи 6 сутокъ я не видалъ ни одного выпившаго, а равно какъ и курящаго табакъ; а я былъ въ самый главный праздникъ, когда бываетъ осо-

[13]) Въ школѣ, которая помѣщается въ гостиницѣ женской столовой, обучается въ зимнее время отъ 40—50 мальчиковъ.

бенно большое стеченіе народу. Этою-то чертою—своею абсолютною трезвостью меня особенно и плѣнилъ Валаамъ. Это прямо благословенный уголокъ, гдѣ царствуетъ трезвость, и гдѣ единственными напитками являются квасъ, чай и вода. Но довольно объ этомъ, такъ какъ люди съ предвзятыми взглядами найдутъ худое вездѣ; но я вынесъ изъ своей поѣздки одни лишь свѣтлыя впечатлѣнія и открыто могу сказать, что Валаамская обитель стоитъ очень высоко въ духовномъ отношеніи, и что здѣсь среди духовныхъ подвиговъ не забывается и трудъ. Тамъ трудятся много и теперь, о чемъ ясно свидѣтельствуютъ, какъ все громадное монастырское хозяйство: поля, чудные сады, огромные огороды, различныя монастырскія великолѣпныя дороги, чистота и образцовый порядокъ во всемъ, такъ и тѣ многочисленныя сооруженія въ самомъ монастырѣ и скитахъ, которыя возведены и возводятся исключительно трудами братіи, и поражаютъ посѣтителя своею основательностью, прочностью, красотою и вкусомъ, съ которымъ они сдѣланы. Здѣсь нѣтъ ни роскоши въ одеждѣ, ни въ обстановкѣ [14]) какъ во многихъ другихъ богатыхъ монастыряхъ, гдѣ не рѣдко рядовые монахи щеголяютъ въ шелковыхъ рясахъ, не говоря ужъ о настоятеляхъ, а въ келіяхъ—дорогіе ковры, мягкая мебель, картины и др. предметы роскоши, ни излишества въ пищѣ. Ѣхавшій со мною старецъ-архимандритъ говорилъ, что напр. въ Александро-Невской лаврѣ въ постный день столъ гораздо лучше бываетъ, чѣмъ на Валаамѣ въ престольный праздникъ. Единственная роскошь въ столѣ допускается лѣтомъ, когда поспѣютъ въ садахъ яблоки и ягоды [15]), которыя въ обиліи ежедневно подаются на трапезу. Строгость монастырскаго режима такова, что замѣченный хоть разъ въ табакуреніи лишается чуть ли не навсегда права на дальнѣйшее движеніе по лѣстницѣ духовной іерархіи, хотя бы былъ во всѣхъ отношеніяхъ достойнѣйшимъ человѣкомъ. Наконецъ, что особенно важно и дорого въ Валаамскомъ монастырѣ, такъ

---

[14]) Даже настоятельское помѣщеніе представляетъ изъ себя нѣсколько маленькихъ и низкихъ комнатокъ съ самою простою мебелью.

[15]) Яблокъ собирается до 900 мѣръ; есть сорта очень хорошіе. Что касается ягодъ, то здѣсь ростетъ земляника, очень крупная, малина, смородина, а въ лѣсу черника и брусника. Чернику собираютъ мало: а брусники собирается много, и она въ парепомъ видѣ подается зимою на трапезу.

это взаимная другъ друга поддержка: сильный поддерживаетъ слабаго своимъ словомъ, наставленіемъ и примѣромъ собственной жизни.

Однако обратимся къ прерванному повѣствованію. Наступила среда, день нашего отъѣзда. Хотѣлось этотъ день посвятить исключительно молитвѣ. Отстоявъ утреню и обѣдню, я направился къ о. игумену, чтобы по принятому здѣсь обычаю поблагодарить его за гостепріимство и радушіе. Добрый старецъ подарилъ мнѣ въ благословеніе и на память прекрасной работы икону Валаамскихъ угодниковъ и описаніе Валаамскаго монастыря. Дѣти мои были отдѣльно и они то-же получили по иконочкѣ и книжкѣ. Они разсказывали, что такая масса была народу у игумена, что и не сосчитать, и всѣмъ онъ давалъ кому денегъ, если просили, кому иконку, кому крестикъ или книжку. Вотъ еще особенно высокая-рѣдкая черта Валаамской обители—это очень широкая благотворительность, которой почти совсѣмъ не замѣчается въ другихъ монастыряхъ. Напримѣръ въ этотъ разъ однихъ безплатныхъ билетовъ на проѣздъ въ Петербургъ было выдано до ста пятидесяти [16]). Къ сожалѣнію, нужно только замѣтить, что многіе и злоупотребляютъ этимъ: имѣя деньги на проѣздъ, говорятъ, что не на что выѣхать. Это очень грустно: люди пользуются безплатно монастырскимъ столомъ, помѣщеніемъ, и другими удобствами и, въ концѣ концовъ, на монастырскій же счетъ и возвращаются домой. Но люди вездѣ, должно быть, остаются людьми...

Пароходъ „Валаамъ" прибылъ въ 12 час. дня. Богомольцевъ пріѣхало не особенно много—чел. 150. Съ этимъ пароходомъ пріѣхалъ пріютъ „Синяго Креста". Нужно было видѣть радостныя лица дѣтей, (до 40 ч.) очутившихся послѣ душнаго Петербурга въ такомъ благодатномъ уголкѣ. Первымъ дѣломъ всѣ поснимали сапоги и бѣгали босикомъ, собирая красивые камушки и цвѣты.

Жалко было разставаться съ Валаамомъ: такимъ дорогимъ и милымъ сталъ онъ за это время. Еще разъ полюбовавшись дивными картинами Валаамской природы съ высокаго праваго берега монастырскаго залива, я съ дѣтьми сходилъ въ соборъ

[16]) Стоимость билета 3-го класса 2 р. 25 к. въ одинъ конецъ и 4 р. туда и обратно.

приложиться къ мощамъ св. угодниковъ. Въ 4 часа мы направились на пароходъ, вещи же наши отвезли на пароходъ на монастырскихъ подводахъ. Передъ отходомъ поѣзда былъ на пристани отслуженъ напутственный молебенъ. Чуть не весь монастырь высыпалъ на берегъ къ отходу нашего парохода, который ровно въ 5 час. отвалилъ отъ пристани.

Прощай, благословенная обитель! Судитъ ли Богъ когда нибудь еще побывать въ твоихъ стѣнахъ? Великое спасибо тебѣ за тѣ минуты священнаго восторга и умиленія, которыя были пережиты за твоими, полными торжественности и глубокаго благоговѣнія, церковными службами... Невольно выступали слезы умиленія на глазахъ... Не хотѣлось отрывать глазъ отъ обители, которая, при яркомъ сіяніи солнца, еще разъ предстала предъ нами во всемъ величіи. Кайма гранитнаго утеса, на которомъ стоитъ монастырь, обнесенная желѣзною рѣшеткою, была унизана братіей, славшей намъ свой послѣдній привѣтъ... Выбравшись изъ монастырскаго пролива, пароходъ пошелъ болѣе быстрымъ ходомъ, оставляя за собою острова.

Впереди открывалось озеро. Дулъ вѣтерокъ, но качки совсѣмъ не было, и путешествіе наше совершилось замѣчательно благополучно. Въ 10 час. утра мы были уже въ Петербургѣ. Вспоминая свое пребываніе на Валаамѣ, мнѣ кажется, что это былъ чудный сонъ. Не даромъ же одна моя благочестивая знакомая, услышавъ, что я собираюсь на Валаамъ, говорила мнѣ: „съѣздите, съѣздите туда, батюшка, тамъ, вотъ увидите, что только небо старое, а то все новое, не похожее на наше“.

Священникъ *А. Ваучскій.*

